

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

«Магия, инкорпорейтед»

Дорога Доблести

Звезды мировой фантастики (Азбука)

Роберт Хайнлайн

**«Магия, инкорпорейтед».
Дорога Доблести**

«Азбука-Аттикус»

1940, 1963

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Хайнлайн Р. Э.

«Магия, инкорпорейтед». Дорога Доблести / Р. Э. Хайнлайн —
«Азбука-Аттикус», 1940, 1963 — (Звезды мировой фантастики
(Азбука))

ISBN 978-5-389-15989-1

Нечасто корифей американской фантастики Роберт Хайнлайн заглядывал на территорию смежных жанров – и тем ценнее редкие фэнтези-эксперименты, собранные в данном томе: повесть «Магия, инкорпорейтед» и роман «Дорога Доблести». В самом начале своей писательской карьеры Хайнлайн показал нам мир, вся экономика которого основана на промышленной магии, а через двадцать с лишним лет пригласил заглянуть в «такое местечко, где нет ни смога, ни проблем с парковкой, ни демографического взрыва, ни холодной войны, ни водородных бомб, ни телерекламы», – и там пройти по Дороге Доблести. Кому-то из героев предстоит спуститься в Полумир и там опознать одного демона из семи миллионов, кому-то – демобилизовавшись после войны в Юго-Восточной Азии, убить дракона, вернуть Яйцо Феникса и жениться на королеве, но оба они – типичные герои Хайнлайна, для которых слово «честь» отнюдь не пустой звук... Переводы публикуются в новой редакции.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-15989-1

© Хайнлайн Р. Э., 1940, 1963

© Азбука-Аттикус, 1940, 1963

Содержание

«Магия, инкорпорейтед»	7
Дорога Доблести	65
1	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Роберт Хайнлайн

«Магия, инкорпорейтед»

© И. Г. Гурова (наследник), перевод, 2018

© В. П. Ковалевский, Н. П. Штуцер (наследники), перевод, 2018

© С. В. Голд, послесловие, 2018

© Е. М. Доброхотова-Майкова, примечания, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018 Издательство

АЗБУКА®

* * *

«Магия, инкорпорейтед»

– Ты какими чарами пользуешься, приятель?

Вот что сказал этот типчик, в первый раз открыв рот с той минуты, как вошел в магазин. С четверть часа он шлялся по залу, выжидая, пока я останусь один, – обнюхивал образчики водоотталкивающих красок, листал каталоги сантехники, копался в витринах со скобяными изделиями.

Мне он не понравился. На деловой вопрос клиента я всегда отвечаю охотно, но не выношу пустого любопытства.

– Всякими, какие поставляют местные лицензированные чародеи, – ответил я вежливым, но ледяным тоном. – А почему вас это интересует?

– Я не про то спрашиваю, – сказал он. – Валяй, выкладывай, не торчать же мне тут целый день!

Я сдержался. От своих продавцов я требую вежливого обслуживания покупателей, и, хотя этот нахал мало смахивал на потенциального клиента, мне не хотелось нарушать собственные правила.

– Если вы приобретете что-либо, – сказал я, – мне доставит большое удовольствие сообщить вам, применялась ли магия при изготовлении выбранного вами товара или нет, а также и назвать чародея.

– Значит, пойти нам навстречу не хочешь? – вздохнул он. – А мы вот любим, чтобы нам шли навстречу. Не пойдешь, а ведь неизвестно, какое невезение на тебя свалится.

– Какие еще «мы»? – рявкнул я. (Да провались она, вежливость!) – И какое-такое невезение?

– А, вот дело и пошло!

Он ехидно ухмыльнулся и сел на край прилавка, чтобы дышать мне прямо в лицо. Смуглый коротышка. Сицилиец, решил я. Костюм, элегантный до тошноты, рубашка и галстук подобраны по цвету так, что в глазах рябит.

– Я тебе скажу, какие «мы», – продолжал он. – Я представляю организацию, которая оберегает от невезения тех, кто умен и готов пойти нам навстречу. Потому я и спросил, какими чарами ты пользуешься.

– Ну а дальше что? – сказал я, проверяя, как далеко он зайдет.

– Ты вот умен, я сразу усек, – ответил он. – Ну, скажем, устроит тебя, если в твоём магазине начнет резвиться саламандра – товары спалит, а то и покупателей напугает? Или продашь товары для постройки дома, а в нем заведется полтергейст и будет посуду бить, молоко сквашивать и швыряться мебелью. Вот что выходит, если не к тому чародею обратиться. Самая капельюшечка чего-то такого, и ты разорен. А мы же этого не хотим, а? – Он одарил меня еще одной ухмылкой.

Я промолчал, и он продолжал:

– У нас на контракте самые искусные демонологи, которые и сами чародеи высшего класса. Они проследят, как твой чародей ведет себя в Полумире и нет ли шансов, что он накличет на своего клиента черное невезение. А потом мы рекомендуем нашим клиентам, с кем можно вести дела, и так оберегаем их от невезения. Понял?

Еще бы не понять! Я же не вчера родился. Чародеи, к чьим услугам я прибегал, все были местные, я знал их много лет, и они пользовались уважением как в нашем мире, так и в Полумире. Со стихийными духами у них всегда был полный порядок. И накликать невезения они никак не могли.

Этот грязный подонок попросту требовал, чтобы теперь я обращался только к чародеям, на которых укажут они, и платил гонорары, назначенные ими же, а они будут прикармливать

процент и с гонораров, и с моей прибыли. А если я «не пойду им навстречу», меня начнут допекать стихийные духи, с которыми они в сговоре, – какие-нибудь отщепенцы с человеческими пороками – портить мои товары, отпугивать клиентов. А если я стану упорствовать, то следует ожидать черного заклятия, которое искалечит меня или убьет. И все – под предлогом, будто они оберегают меня от людей, которых я знаю и уважаю!

Рэкет в чистом виде!

На Восточном побережье я слышал о таком, но не предполагал столкнуться с этим в нашем тихом городке.

Он ухмылялся мне, ожидая ответа, и крутил шеей, потому что ее жал воротничок. И тут я кое-что заметил. При всей сверхмодности его костюма под воротничком сзади виднелась черная нитка. Так, он носит под одеждой талисман или амулет. Если моя догадка верна, значит он умудрился остаться суеверным даже в наши дни, в наш просвещенный век!

– Кое-чего вы не учли, – сообщил я ему. – Я ведь седьмой сын, родился в рубашке и наделен даром ясновидения. С моим везением все в порядке, но я зрю, что над вами, точно кипарис над могилой, нависает невезение. – Я протянул руку и рванул нитку. Она лопнула и осталась в моих пальцах. И на ней таки болтался амулет! Омерзительный комочек неведомо чего и примерно такой же аппетитный, как дно птичьей клетки. Я уронил его на пол и старательно растер подошвой.

Он слетел с прилавка и уставился на меня, тяжело дыша. В его правой руке появился нож, а левой он защищался от дурного глаза, тыча в меня кулаком с выставленным вперед большим пальцем и мизинцем – рогами Асмодея. Я понял, что пока сладил с ним.

– А вот талисман, о котором вам, быть может, не приходилось слышать, – отбарабанил я и сунул руку в ящик под прилавком. Вытащив пистолет, я прицелился ему в лицо. – Холодное железо! А теперь отправляйся к своему хозяину и скажи ему, что его тоже ждет холодное железо – и так и этак!

Он начал пятиться, не сводя глаз с моего лица. Если бы взгляды могли убивать... ну и так далее. В дверях он остановился, плюнул на порог и мгновенно исчез.

Я убрал пистолет и занялся двумя покупателями, которые вошли, едва мистер Держи-Ухо-Востро покинул магазин. Но признаюсь, я встревожился. Репутация – самое дорогое достояние человека. Я еще в молодости создал себе имя как продавец надежных товаров. А этот типчик и его дружки, уж конечно, попытаются очернить мое доброе имя, и способов у них для этого хоть отбавляй, если они заручились услугами черных магов.

Само собой, в строительных материалах не применяется столько чар, сколько в менее долговечных товарах. Строя дом, люди хотят быть уверены, что кровать не провалится в подвал как-нибудь в полночь и крыша не исчезнет, оставив под проливным дождем.

К тому же при строительстве используется много железа, а среди практикующих чародеев лишь горстка способна справляться с холодным железом. Те же, кто способен, берут такие гонорары, что прибегать к ним, когда строишься, попросту невыгодно. Разумеется, если какому-нибудь великосветскому хлыщу захочется похвастать, что его беседка или плавательный бассейн построены исключительно с помощью магии, я заключу контракт на соответствующую сумму, а затем сдам подряд тому или иному из первоклассных чародеев. Но в целом в моем деле чары используются только для частных дел – всяких недолговечных украшений и приспособлений, которые люди любят приобретать недорого, а потом снова и снова менять.

Поэтому я тревожился не из-за чар, применяемых в моем деле, но из-за чар, которыми можно повредить в моем деле, если кто-то захочет навлечь на меня беды. Да и в любом случае мои мысли были заняты чарами из-за утреннего разговора с неким Дитвортом, который ничем мне не угрожал, а предложил выгодную сделку... И все-таки мне было не по себе.

Я закрыл магазин чуть раньше обычного и направился к своему приятелю Джедсону, специализирующемуся на готовой одежде. Он много меня старше и, хотя никаких степеней

не имеет, большой знаток всевозможных форм колдовства, будь то белая или черная магия, некрология, демонология, чары, талисманы и наиболее практичные способы предсказания будущего. Вдобавок он человек здравомыслящий, с отличной головой на плечах и разносторонне способный. Я очень дорожу его советами.

Я думал, что в такой час он уже покончил с дневными хлопотами и сидит у себя в кабинете. Однако рассыльный проводил меня до комнаты совещаний. Я постучал и открыл дверь.

– Привет, Арчи! – воскликнул Джедсон, едва увидел меня. – Входи и садись. У меня есть кое-что новенькое.

Я огляделся. В комнате, кроме Джедсона, было еще четверо. Красивая плотная женщина лет тридцати в форме медицинской сестры, а также Огест Уэлкер, десятник Джедсона, умелец на все руки, обладатель лицензии чародея третьего класса. И низенький толстяк Задкиель Фельдштейн, агент множества посредственных чародеев и пары-другой знаменитостей. Его религия, понятно, запрещала ему самому заниматься чародейством, но, насколько мне известно, на получение честных комиссионных богословы запрета не наложили. Мне доводилось вести с ним дела, и ничего дурного я о нем сказать не могу.

Этот десятипроцентник сжимал в пальцах погасшую сигару, во все глаза глядя на Джедсона и на кое-кого еще.

А именно – на девушку лет двадцати пяти, если не меньше. Светлая блондинка, и до того худенькая, что казалась почти прозрачной. Крупные кисти с длинными чуткими пальцами, большой трагичный рот и серебристые волосы. (Но альбиноской она не была.) Выглядела она измученной и полулежала в кресле. Сестра растирала ей запястья.

– Что случилось? – спросил я. – Девочке плохо?

– Да нет, – ответил Джедсон, оборачиваясь ко мне. – Она просто белая колдунья и работает в трансе. А сейчас утомилась, только и всего.

– А специальность у нее какая? – поинтересовался я.

– Готовая одежда.

– А? – У меня было полное право удивиться. Одно дело наколдовывать материю штуками, и совсем другое – выдать платье или костюм в готовом виде. Джедсон производил и продавал партии одежды, созданной только чарами. В основном спортивные костюмы, всякие новинки, модные женские ансамбли и прочее, требующее стилиа, а не носкости. Обычно они снабжались предупреждениями: «На один сезон», но в пределах этого сезона не оставляли желать ничего лучшего и были одобрены обществом защиты потребителей.

Однако изготавливались они не в один присест. Сначала создавались ткани – чаще всего этим занимался Уэлкер. Красители и рисунки добавлялись отдельно. У Джедсона были связи с Маленьким народцем, и его снабжали оттенками и фасонами, сотворенными в Полумире специально для него. Для изготовления особой одежды он пользовался и старыми методами, и чарами, и у него работали некоторые из самых талантливых художников в этой области. По договоренности с ним его модельеры предоставляли свои чары Голливуду – он просил только, чтобы в титрах упоминалась его фамилия.

Но вернемся к светлой блондинке...

– Вот именно! – сказал Джедсон. – Готовая одежда, причем долговечная. Девочка – подлинный талант, это точно. У нее контракт с текстильной фабрикой в Джерси-Сити, но я уплатил тысячу долларов, чтобы своими глазами увидеть один раз, как она творит готовое изделие. Но нам пока не везет, хотя я уже все испробовал, кроме разве что раскаленных клещей.

Девочка посмотрела на него с ужасом, сестра – с возмущением, а Фельдштейн начал было возражать, но Джедсон его перебил:

– Фигура речи, и ничего больше. Вы же знаете, я не приверженец черной магии... Ну как, милочка, – продолжал он, обращаясь к девушке, – ты готова попробовать еще раз?

Она кивнула, и он скомандовал:

– Отлично. Баюшки-баю!

И она опять попробовала, причем стонала умеренно и почти не плевалась. Эктоплазма вытекала свободно и действительно преобразилась не в материю, а в готовое изделие – изящное вечернее платье шестнадцатого размера, небесно-голубое из блестящего шелка. На редкость элегантное, и я не сомневался, что любой комиссионер, едва его увидит, тут же закажет солидную партию.

Джедсон схватил его, отрезал лоскуток, подверг его обычным проверкам, а под конец вынул из-под микроскопа и подпалил спичкой.

А потом выругался.

– Прах его поberi, – сказал он. – Все ясно! Это вовсе не новое творение, она просто реанимировала старую тряпку.

– Ну и что? – сказал я. – Подумаешь!

– А? Арчи, подучился бы ты хоть немножко! То, что мы видели, творческой магией и не пахнет! Это платье... – он схватил его и встряхнул, – реально существовало где-то и когда-то. Она заполучила его частичку – нитку, а то и пуговицу и, применив законы гомеопатии и смежности, создала его подобие.

Я его отлично понял, потому что сам пускал в ход этот метод. Как-то раз я построил на собственной земле временную трибуну – пригодную для парадов или атлетических соревнований, – используя самые лучшие материалы (без железа!) и самых квалифицированных рабочих, причем исключительно старыми способами. Затем я распилил ее на кусочки. По закону смежности каждый кусочек оставался частью структуры, в которую когда-то входил. По закону гомеопатии каждая часть была потенциально всей прежней структурой. Я брал подряд поставить трибуны на Четвертое июля или для зрителей циркового шествия и отправлял на место парочку чародеев, снабдив их кусочками по числу трибун, которые требовалось поставить. Они накладывали на каждый кусочек суточные чары, а когда отпадала надобность, трибуны исчезали сами без всяких хлопот.

Накладка вышла только один раз. Ученик чародея, которому было поручено наблюдать, как трибуны исчезают, и подбирать изначальные кусочки для дальнейшего употребления, поднял не ту деревяшку. И в следующий раз, когда мы ее использовали для съезда паломников, на углу Четырнадцатой улицы и Вайн-стрит вместо одной из трибун возникло четырехкомнатное новехонькое бунгало. Могли бы выйти неприятности, но я приколотил на него объявление:

ВЫСТАВОЧНЫЙ ОБРАЗЕЦ СОВРЕМЕННОГО ЗАГОРОДНОГО ДОМА

И поставил трибуны по обеим его сторонам.

Однажды загородная фирма попыталась перехватить у меня заказы, но одна их секция рухнула то ли из-за брака в прототипе, то ли из-за халатности чародея, и несколько человек получили травмы. С тех пор в этой области я практически сохраняю монополию.

Вот почему я не понял реакции Джо Джедсона на то, что произошло.

– Ну какая разница? – не отступал я. – Это же платье или нет?

– Платье-то платье, но не новое. Этот фасон где-то зарегистрирован и, значит, уже не мой. И даже если она использовала мою модель, мне требуется совсем другое. Я могу изготавливать дешевле и лучше, не прибегая к этому способу, не то я бы его давно использовал!

Блондиночка пришла в себя, увидела платье и воскликнула:

– А, мистер Джедсон, значит, у меня получилось?

Он объяснил, что произошло. Лицо у нее вытянулось, и платье сразу испарилось. Джедсон потрепал ее по плечу.

– Не принимай близко к сердцу, детка, – сказал он. – Ты устала. Завтра попробуем еще раз. Я знаю, у тебя получится, только не надо нервничать и изводить себя.

Она поблагодарила его и ушла с медсестрой. Фельдштейн рассыпался в извинениях, но Джедсон сказал, что это пустяки и он ждет их завтра в то же время.

Когда мы остались одни, я рассказал ему о том, что произошло со мной и как я внушил посетителю, будто обладаю даром ясновидения. Джедсон засмеялся.

– Как бы тебе не пожалеть, что его у тебя нет... ясновидения, хочу я сказать, – заметил он уже серьезно. – Неприятная перспектива. А ты уведомил Бюро Береженого Бизнеса?

Я покачал головой.

– Ну хорошо, я сам туда позвоню, и в Торговую палату тоже. Помочь они вряд ли смогут, но сообщить им нужно непременно, чтобы они были готовы к этому.

Я спросил, а не обратиться ли мне в полицию.

– Пока нет, – ответил он. – Ведь противозаконного ничего не произошло, да и в любом случае начальник полиции ограничился бы тем, что вызвал к себе всех чародеев с лицензиями и задал бы им жару. А что толку? Но зато законопослушные члены профессии затаили бы против тебя зуб. Десять шансов против одного, что колдуны, связанные с этой шайкой, не получили разрешения практиковать чародейство и действуют подпольно. Если полиция про них знает, то потому, что она их крышует. А если не знает, то и помочь тебе не сможет.

– Так что же, по-твоему, мне делать?

– Пока ничего. Отправляйся домой и ложись спать. Утро вечера мудреней. Не исключено, что этот прохиндей действует в одиночку и пытается нажиться на чистом блефе. Хотя я так не думаю. Подонок держался как гангстер. Но нам требуются хоть какие-то факты. Мы ничего не можем предпринять, пока они не приоткроют свои карты.

Ждать нам пришлось недолго. Когда утром я пришел в магазин, меня ждал сюрприз, а вернее, сюрпризы, и все неприятные.

Впечатление было такое, словно помещение разгромили, подожгли и устроили хороший потоп. Я тут же позвонил Джедсону, и он сразу приехал, но вначале ничего не сказал, а обошел пожарище, что-то высматривая, и наконец остановился на том месте, где хранились скобяные товары, и зачерпнул горсть мокрой золы и грязи.

– Замечаешь что-нибудь? – спросил он, перебирая пальцами так, что грязь стекла, оставив на ладони металлическую мелочь – гвозди, шурупы и прочее.

– Ничего особенного. Тут стояли бочки с гвоздями и тому подобным, что не горит...

– Это понятно, – нетерпеливо перебил Джедсон. – Неужели ты не видишь? У тебя ведь было много всякой латунной и медной фурнитуры, так?

– Да.

– Ну так отыщи хоть одну скобу!

Я поковырял носком ботинка в золе там, где следовало валяться бронзовым дверным петлям и дверным ручкам, но увидел только гвозди, скреплявшие бочки. Я сориентировался по сохранившимся приметам и ковырнул еще раз. Гайки, болты, крюки – и ничего из меди или бронзы.

Джедсон следил за мной с сардонической усмешкой.

– Ну? – спросил я, разозлившись.

– Неужели ты не понял? Чары, никуда не денешься. На складе не осталось других металлов, *кроме холодного железа!*

Да, действительно, я мог бы и сам сообразить.

Он продолжал осмотр, и вскоре мы наткнулись на любопытную штуку – на мокрый слизистый след, который петлял по останкам моей собственности и кончался у сточной трубы. Казалось, тут ползал гигантский слизняк величиной с газонокосилку.

– Ундина! – объявил Джедсон и брезгливо поморщился от запаха.

Я как-то видел крупнобюджетный музыкальный фильм «Дочь водяного царя», выпущенный «Мегапиксом». Если верить ему, ундины так аппетитны, что способны заинтересовать Эрла Кэрролла, но если они оставляют такие следы, то меня им не прельстить!

Джедсон достал носовой платок и расстелил его, чтобы сесть на бывший мешок с цементом, очень дорогим, быстротвердеющим «Гидролитом». Восемьдесят центов прибыли с мешка, которые все теперь превратились в несокрушимые валуны.

Джедсон принялся анализировать случившееся, загибая пальцы:

– Арчи, тебе дали по зубам минимум три стихии из существующих четырех – земля, огонь и вода. Может быть, участвовал и сильф – стихийный дух воздуха, но прямых доказательств у меня нет. Сначала явились гномы и забрали все, что было у тебя добытого из земли, – кроме холодного железа. За ними последовала саламандра, сжигая все, что горит, опалая и покрывая копотью остальное. И наконец, ундина превратила это место в болото, погубив все, чего не мог пожрать огонь, – например, цемент и негашеную известь. Ты застрахован?

– Само собой!

Но тут я задумался. Да, я застраховался от пожара, кражи и затопления, но страховка деловых рисков – вещь дорогая, поэтому я остался без прикрытия на случай форс-мажора, а выполнить текущие контракты у меня возможности не было. Выплата неустойки встала бы мне очень дорого – что ж, придется откуда-то изыскивать средства. Нарушить контракт значило бы погубить доброе имя фирмы, не говоря уж о судебных исках о причинении убытков.

Положение оказалось куда хуже, чем представилось мне в первые минуты, и чем больше я думал, тем ужаснее оно выглядело. Естественно, брать новые заказы можно будет не раньше, чем все тут удастся расчистить, отстроить магазин заново и восстановить запас товаров. К счастью, почти все мои документы хранились в нескораемом сейфе. Но не все! Значит, я не получу денег по счетам, которых не смогу предъявить. Я работаю с очень небольшой рентабельностью, и весь мой капитал в обороте – так что складывалось следующее впечатление: фирма «Арчи-бальда Фрэзера, торговца и подрядчика» должна будет объявить о своем банкротстве.

Я изложил все это Джедсону.

– Не спеши, – утешил он меня. – То, что разрушено чарами, чары же и восстанавливают. Нам просто нужен лучший волшебник в городе.

– А кто ему заплатит гонорар? – возразил я. – Эти ребята за гроши не работают, а у меня в кассе пусто.

– Легче, легче, сынок! – посоветовал он. – Твоему страховому обществу убытки грозят не меньше твоих. Если мы им объясним, как можно выкрутиться, то найдем с ними общий язык. Кто их представляет тут?

Я назвал юридическую контору, помещавшуюся в Деловом Центре.

Я позвал секретаршу и распорядился, чтобы она обзвонила тех наших клиентов, кому материалы должны были быть отосланы сегодня. Я проинструктировал ее, где возможно добиться отсрочки, а в остальных случаях велел передать заказы фирме, с которой в прошлом я обменивался такими услугами. Остальных служащих я отослал домой – они с восьми часов болтались вокруг, ахали, охали и только путались под ногами, – предупредив, чтобы они не возвращались, пока я их не позову. К счастью, была суббота и мы располагали почти двумя сутками, чтобы найти какой-то выход.

Мы остановили свободный ковер-самолет и полетели к Деловому Центру.

Я расположился поудобнее, решив выбросить все тревоги из головы и наслаждаться полетом. Я люблю такси – они дарят мне ощущение, что я купаюсь в роскоши, – но особенно полю-

бил их, когда они сбросили колеса. Нам попался новейший «кадиллак» каплеобразной формы с воздушными подушками. Мы неслись по проспекту бесшумно, как мысль, всего в шести дюймах над мостовой.

Пожалуй, следует объяснить, что наши городские власти запретили левитирование, если только оно не проводится в строгом соответствии с правилами уличного движения – я имею в виду наземного, а не воздушного. Вас это может удивить, но причиной послужила беда, приключившаяся с одним подрядчиком вроде меня. Ему надо было доставить одиннадцать с лишним тонн стеклянных кирпичей в перестраиваемый ресторан на другом конце города. Он обратился к чародею с обычной лицензией на перевозки. А тот – уж не знаю, по небрежности или просто по глупости, – обрушил все одиннадцать тонн на крышу баптистской церкви, что на Проспектном бульваре. Уж кажется, все знают, что над освященной землей чары утрачивают силу, и если бы он потрудился справиться с планом города, то увидел бы, что путь по прямой проходит точно над церковью. Ну как бы то ни было, а кирпичи пробили крышу, и погиб привратник – хорошо еще, что не все прихожане. Это вызвало такой скандал, что левитирование было ограничено мостовыми вблизи поверхности.

Вот из-за таких недотеп страдают остальные!

Наш юрист был у себя – мистер Уиггин из фирмы «Уиггин, Снид, Макклатчи и Уиггин». Он уже слышал о моем «пожаре», но, едва Джедсон объяснил, почему, по его мнению, причиной должна быть магия, мистер Уиггин ошетинился. Это не укладывается ни в какие рамки, объявил он.

Джедсон был образцом терпения.

– Вы в магиях разбираетесь, мистер Уиггин? – осведомился он.

– Я не специалист по чародейному праву, если вы это подразумеваете, сэр.

– Ну, у меня лицензии нет, но интересуюсь я им много лет. И данный случай я считаю абсолютно ясным. Можете обратиться к любым независимым экспертам, они подтвердят мои выводы. Итак, предположим удобства ради, что ущерб недвижимости был причинен с помощью чародейства. Если так, то перед нами открывается возможность избежать значительных убытков. Вы ведь уполномочены улаживать имущественные претензии?

– Ну, пожалуй, я могу ответить утвердительно – разумеется, с учетом правовых ограничений и условий контракта.

Нет, честное слово, без ревизорской проверки он не признал бы, что у него пять пальцев на руке.

– Следовательно, ваша обязанность – свести убытки вашей компании до минимума. Если я найду волшебника, который сумеет восстановить все – или хотя бы значительную часть – в исходном виде, гарантируете ли вы от лица своей компании гонорар в разумных пределах? Ну, скажем, двадцать пять процентов от сэкономленных сумм?

Он снова принялся экать и мэкать. Сказал, что не видит, каким образом он может согласиться на что-либо подобное, а если пожар вызвали чары, то прибегнуть к чарам для восстановления исходного состояния практически равносильно сокрытию преступления, поскольку нам неизвестно, какие связи в Полумире у причастных к этому делу чародеев. Кроме того, моя претензия еще не признана. Ведь я же не известил компанию о моем посетителе накануне пожара, а это, скорее всего, лишает меня права на страховую премию. В любом случае речь идет о серьезнейшем прецеденте, и он обязан проконсультироваться в главном офисе.

Джедсон встал:

– Я вижу, что мы просто зря тратим время друг друга, мистер Уиггин. Ваше утверждение, будто ответственность ложится на мистера Фрэзера, смехотворно, и вы это знаете. Условия контракта не требуют от него подобного извещения, но и в противном случае на извещение

положены сутки, которые еще не истекли. Полагаю, нам самим следует проконсультироваться в главном офисе. – Он потянулся за шляпой.

Уиггин поднял ладонь:

– Господа, господа, прошу вас! Не будем спешить. Согласится ли мистер Фрэзер уплатить половину гонорара?

– Нет. С какой стати? Это ваши убытки, не его. Ведь он застрахован у вас, а не вы у него.

Уиггин задумчиво постучал очками по зубам, а затем объявил:

– Надо поставить условие, что гонорар определяется результатами.

– А вам приходилось слышать, чтобы люди в здравом уме договаривались с волшебниками на какой-то другой основе?

Через двадцать минут мы ушли от него с документом, уполномочивавшим нас нанять любого колдуна или волшебника для восстановления моего магазина и складов при нем за гонорар, не превышающий двадцати пяти процентов восстановленных ценностей.

– А я думал, ты решил махнуть рукой на это дело! – Я даже вздохнул от облегчения.

– Да ни за что на свете, сынок! – Он ухмыльнулся. – Этот тип просто пытался заморочить тебе голову, чтобы ты заплатил тому, кто сбережет их деньги! Ну а я дал ему понять, что вижу его насквозь.

Нам пришлось пораскинуть мозгами, раздумывая, к кому обратиться. Джедсон сразу сказал, что ближе Нью-Йорка не знает специалиста, которому мог бы со спокойной душой доверить такую задачу, ну а Нью-Йорк при таком гонораре сразу отпадал. Мы завернули в бар, и я пропустил пивка, пока он звонил туда-сюда. Вскоре он присоединился ко мне и объявил:

– По-моему, нашел. Сам я с ним дела еще не имел, но у него отличная репутация, солидный стаж, и все, с кем я ни говорил, в один голос советовали обратиться именно к нему.

– А кто он?

– Доктор Фортескью Бидл. Приемная у него дальше по улице в Доме железнодорожной биржи. Пошли, это совсем рядом.

Я залпом допил пиво и встал.

Приемная доктора Бидла производила внушительное впечатление. Он занимал угловое помещение на четырнадцатом этаже и не пожалел денег на обстановку. Стиль был ультрасовременный: она дышала аскетической элегантностью кабинета модного врача. Стены опоясывал фриз из знаков зодиака (цветное стекло и алюминий). Этим украшения и ограничивались, мебель же была очень простой и строгой, но весьма дорогой – изобилие стекла и хрома.

Нам пришлось прождать в приемной полчаса, и я коротал время, прикидывая, сколько я выручил бы за такой набор, учитывая привлечение чародея и десятипроцентную скидку. Затем подлинная красавица с нежным голосом проводила нас во внутреннюю комнатку, где мы прождали в одиночестве еще десять минут. Выглядела комната так же, как приемная, если не считать застекленных книжных шкафов и старинной гравюры, изображавшей Аристотеля. Мы с Джедсоном от нечего делать исследовали содержимое книжных шкафов. Полки заполняли классические труды по магии, и Джедсон как раз указал мне на «Красный гримуар», когда позади нас голос произнес:

– Забавные вещицы, не правда ли? Древние знали на удивление много. Никакого понятия о науке, но поразительная находчивость... – Голос замер, мы обернулись, и он представился: – Доктор Бидл.

Выглядел он очень недурно: высокий, худощавый, чрезвычайно благообразный. Лет на десять старше меня, то есть разменял пятый десяток, седые виски, жесткая щеточка усов, как у английского майора. Костюм его словно сошел с модной картинки «Эсквайра», манеры казались приятными, – словом, у меня не было причин сразу проникнуться к нему неприязнью. Разве что брюзгливая надменность выражения...

Он пригласил нас в кабинет, усадил, предложил сигареты и только тогда перешел к делу.
– Вы, разумеется, Джедсон, – начал он. – Полагаю, вас прислал мистер Дитворт?

Я наострил уши. Знакомая фамилия! Однако Джедсон ответил простодушно:

– Да нет. А почему вы так решили?

Бидл замаялся. И сказал, словно про себя:

– Странно! Я был уверен, что он упоминал вашу фамилию... Один из вас знаком с мисте-
ром Дитвортом? – спросил он.

Мы оба дружно кивнули, удивив друг друга, но Бидл словно успокоился и добавил:

– Видимо, причина в этом. Однако... Мне нужно разобраться. Вы меня извините? Я
справлюсь у него.

И он исчез. Я впервые увидел, как это делается. Джедсон говорит, что существуют два
способа: отвод глаз либо реальный проскок через Полумир. Но, на мой взгляд, все равно хам-
ство.

– Насчет этого Дитворта... – обернулся я к Джедсону. – У меня как раз...

– Погоди, – перебил он. – Сейчас не время.

И тут возник Бидл.

– Все в порядке, – объявил он, обращаясь прямо ко мне. – Я могу заняться вашим делом.
Полагаю, вы пришли по поводу того, что вчера произошло с вашим магазином?

– Да, – подтвердил я. – А откуда вы знаете?

– Есть способы. – Он снисходительно улыбнулся. – Моя профессия открывает некоторые
возможности. Но о вашей проблеме – чего вы хотите?

Я взглянул на Джедсона, и он объяснил, что, по его мнению, там произошло и почему
он сделал такие выводы.

– Не знаю, – заключил он, – насколько вы специалист по демонологии, но мне кажется,
можно вызвать силы, причинившие ущерб, и принудить их вернуть все в прежнее состояние.
Если вы согласны, мы готовы предложить вам любой разумный гонорар.

Бидл чуть улыбнулся и самодовольно покосился на коллекцию дипломов, украшавших
стены кабинета.

– Думаю, причины отказать вам не будет, – промурлыкал он. – Разрешите, я произведу
осмотр места происшествия... – И он вновь исчез.

Во мне закипало раздражение. Пусть ты хороший специалист, но это еще не повод пус-
кать пыль в глаза. Однако меня еще не пробрало как следует, а он уже вернулся.

– Осмотр как будто подтвердил мнение мистера Джедсона, и особых трудностей не пред-
видится, – сообщил он. – А теперь о... э-э... материальной стороне дела... – Он деликатно
кашлянул и смущенно улыбнулся, словно огорчаясь, что приходится касаться такой пошлости.

И почему некоторые люди ведут себя так, словно возможность заработать деньги цара-
пает их нежные души? Я лично приветствую законную прибыль и не стыжусь ее. Раз люди
платят деньги за мои товары и услуги, значит мой труд приносит пользу.

Впрочем, договорились мы легко и быстро, после чего Бидл предложил встретиться у
моего магазина через пятнадцать минут. Мы с Джедсоном вышли на улицу и махнули другому
такси. Едва мы забрались внутрь, я спросил у него про Дитворта.

– Где ты с ним встречался?

– Он приходил ко мне с деловым предложением.

– Хм... – Интересно! Дитворт и мне предложил кое-что, от чего мне стало не по себе. –
Так какое предложение?

Джедсон наморщил лоб:

– Трудно сформулировать. Слишком много было цветистых аргументов. Короче, он
представился секретарем местной некоммерческой ассоциации, цель которой – повысить тре-
бования к квалификации практикующих чародеев.

Я кивнул. То же самое Дитворт втолковывал мне.

– Ну а дальше что?

– Он распространялся о неадекватности законов, регулирующих выдачу лицензий, и повторял, что сейчас кто угодно может сдать экзамен и повесить табличку со своим знаком после двухнедельного знакомства с каким-нибудь гримуаром или черной книгой, притом понятия не имея о фундаментальных законах чародейства и волхвования. Его организация будет своего рода бюро стандартов и возьмет на себя ту же роль в этой сфере, какую играют в своих Американская медицинская ассоциация, или Национальная конференция университетов и колледжей, или Ассоциация адвокатов. Если я подпишу соглашение обращаться только к тем колдунам, которые отвечают их требованиям, то смогу получить сертификат о качестве моих товаров и поставить на каждый предмет их печать...

– Джо, я выслушал ту же историю, – перебил я, – и не могу в ней разобраться. Вроде бы все правильно, но мне не хочется рвать с хорошо мне знакомыми чародеями, а откуда я знаю, одобрит ли их эта его ассоциация.

– И что ты ему ответил?

– Потянул время, сказал, что не могу подписать такого рода обязательство, не обсудив этого с моим адвокатом.

– Молодец! А он что?

– Ну, он как будто все понял правильно и искренне желал всего лишь помочь мне. Сказал, что я поступаю мудро, и оставил мне для ознакомления кое-какие проспекты. Ты что-нибудь о нем знаешь? Он сам чародей?

– Нет. Но кое-что я о нем выяснил. Я вроде бы знал, что он как-то связан с Торговой палатой, но выяснилось, что он член правления десятка, а то и больше, весьма солидных корпораций. По образованию юрист, но не практикует. По-видимому, посвящает все свое время деловым интересам.

– Он выглядит ответственным человеком.

– Еще бы! И известен куда меньше, чем можно ожидать, когда речь идет о бизнесмене такого масштаба, – возможно, он отошел от дел. Он словно предпочитает оставаться в тени. Я наткнулся на одно подтверждение этого.

– Какое? – спросил я.

– Просмотрел регистрационные документы его ассоциации в канцелярии администрации штата. Всего три фамилии – его собственная и еще две. Как я выяснил – его секретаря и регистраторши.

– Подставные лица?

– Несомненно. Но это дело обычное. Меня заинтересовало другое: одну из фамилий я узнал.

– А?

– Ты знаешь, я состою в ревизионной комиссии моей партии в нашем штате, ну и поискал фамилию секретаря там, где, как мне казалось, я ее встречал. И не ошибся. Его секретарь, тип по фамилии Мэтьяс, значится в списке за дьявольски большой взнос в личный избирательный фонд губернатора.

На этом наш разговор оборвался, так как такси остановилось перед останками моего магазина. Доктор Бидл опередил нас и уже приступил к приготовлениям, воздвигнув для своих манипуляций хрустальный павильончик площадью десять на десять футов. От прохожих он был отгорожен неосязаемым экраном. Джедсон предупредил меня, чтобы я не думал к нему прикасаться.

Должен отдать Бидлу должное: он работал без обычных броских эффектов. Просто поздоровался с нами, вошел в павильончик, достал из кармана блокнот и начал читать. Дже-

дсон утверждает, что Бидл использовал кое-какие приспособления, но я их не видел, и работал он полностью одетый.

Несколько минут все оставалось как было. Постепенно стены затуманились, и все внутри стало неясным. Тогда же я обнаружил, что Бидл в павильончике не один. Кто или что это было, я не разглядел, да и, правду сказать, не очень старался.

Из павильончика не доносилось ни звука, но там, несомненно, вспыхнул спор. Бидл вскочил и принялся рубить руками воздух, а тот некто откинул голову и захохотал. Бидл тревожно оглянулся на нас и поднял правую ладонь. Тут же стены павильончика утратили прозрачность, и мы больше ничего не видели.

Минут пять спустя Бидл вышел из своего рабочего помещения, которое тут же исчезло. На него стоило посмотреть: волосы всклокочены, по лицу пот льет градом, воротничок измялся и промок. И хуже того, апломб в нем заметно поубыло.

– Ну? – спросил Джедсон.

– Ничего сделать невозможно, мистер Джедсон. Абсолютно ничего.

– То есть вы ничего сделать не можете?

Бидл сразу подобрался:

– *Никто* на свете не может, господа! Откажитесь от своего намерения, забудьте о нем. Вот мой совет.

Джедсон промолчал, меря его задумчивым взглядом. Я и вовсе прикусил язык. Бидл начал обретать самоуверенность. Надел шляпу, поправил галстук и объявил:

– Мне нужно вернуться к себе. Мой гонорар за предварительную разведку равен пятистам долларам.

От такой наглости я и вовсе онемел, но Джедсон сделал вид, будто не понял его.

– Да, конечно, – вздохнул он. – Так жаль, что вы его не заработали. Очень, очень жаль.

Бидл побагровел, но сохранил светскую невозмутимость.

– Видимо, сэр, я выразился недостаточно ясно. Согласно договору, который я заключил с мистером Дитвортом, чародеи, одобренные ассоциацией, бесплатно не консультируют. Это понижает престиж профессии. Гонорар, который я упомянул, является наименьшим для чародея моей классификации, независимо от оказанных услуг.

– А-а! – вздохнул Джедсон. – Вы столько взыскиваете за вход в вашу приемную. Но вы нас не предупредили, так что никаких обязательств мы не несем. А что до договора, который вы подписали с мистером Дитвортом, нас он ни с какой стороны не касается. Рекомендую вам вернуться к себе и перечитать наш с вами контракт. Мы ничего вам не должны.

Тут, подумал я, Бидл и взбесится, однако он ответил только:

– Я не намерен препираться с вами. Вы обо мне еще услышите! – И он исчез, даже не попрощавшись.

Позади меня кто-то хихикнул, и я обернулся, готовый сделать из весельчака фарш. День выдался тяжелый, а я не терплю, чтобы у меня за спиной надо мной потешались. Я увидел молодого человека, примерно моего ровесника.

– Кто вы и над чем смеетесь? – рявкнул я. – Это частная собственность!

– Извиняюсь, приятель, – сказал он с обезоруживающей улыбкой. – Я смеялся не над вами, а над этим нулем без палочки. Ваш друг отлично его отбрил.

– Что вы тут делаете? – спросил Джедсон.

– Я? Вы, конечно, имеете право требовать от меня объяснения. Понимаете, я сам занимаюсь этим делом...

– Подрядами?

– Да нет, чародейством. Вот моя карточка.

Он вручил ее Джедсону, тот скользнул по ней взглядом и передал мне. Она гласила:

ДЖЕК БОДИ

Лицензированный чародей I класса
Телефон К-3840

– Понимаете, я поймал в Полумире слушок, что одна знаменитость устроит здесь сегодня шухер на всю катушку. Ну я и заглянул поразвлечься. Но как это вы связались с таким шарлатаном, как Бидл? Ему подобная работа не по зубам.

Джедсон протянул руку и забрал у меня карточку.

– Где вы учились, мистер Боди?

– А? Степень бакалавра я получил в Гарварде, а аспирантуру окончил в Чикаго. Но не в том дело. Мой старикан обучил меня всему, что я знаю, а в университет послал потому, что, по его словам, в наши дни чародей без диплома приличной работы не получит. И он прав.

– По-вашему, вы способны справиться с этой задачей? – спросил я.

– Думаю, нет. Но валять дурака, как Бидл, я не стану. Вот что: хотите найти, кто с вашей задачей справится?

– Естественно, – буркнул я. – А то что бы мы тут делали?

– Ну так вы начали не с того конца. Бидл набил себе цену, потому что учился в Гейдельберге и в Вене. А это ровнехонько ничего не значит. Бьюсь об заклад, вам и в голову не приходило поискать старомодную колдунью без всяких дипломов?

Ему ответил Джедсон:

– Вы не совсем правы. Я навел справки у моих друзей в этой сфере деятельности, но никто за это дело не взялся. Однако я всегда готов узнать что-то новенькое. Так кого вы порекомендовали бы?

– Вы знакомы с миссис Амандой Тодд Дженнингс? Она живет в Старом городе за конгрегационалистским кладбищем.

– Дженнингс... Дженнингс. Хм... Пожалуй, нет. А впрочем, погодите. Вы о старушке, которую все называют «бабушка Дженнингс»? Носит шляпку-тюбан и сама ходит за покупками?

– Вот-вот!

– Но она же не колдунья, а гадалка!

– Напрасно вы так думаете! Конечно, она коммерческим колдовством не занимается, поскольку на девяносто лет старше Санта-Клауса и порядком одряхлела. Но у нее в одном мизинце больше всяких чар, чем во всей Соломоновой книге.

Джедсон посмотрел на меня, я кивнул, и он сказал:

– По-вашему, вы сможете уговорить ее взяться за это дело?

– Ну, если вы ей понравитесь, она вряд ли вам откажет.

– А ваши условия? – спросил я. – Десять процентов вас устроят?

Он словно бы даже обиделся.

– Черт! – сказал он. – Комиссионные я не возьму. Она всю мою жизнь меня привечала.

– За хороший совет полагается платить, – не отступал я.

– Бросьте! Может, вы, ребята, как-нибудь подбросите мне работенку по специальности.

Будем квиты.

Ну мы и отправились – но без Боди. Ему было некогда, но он обещал предупредить миссис Дженнингс, что мы заедем к ней.

Найти ее дом оказалось просто. Он находился на старой улице, над которой смыкались ветви вязов, и стоял в глубине двора – одноэтажный коттедж с верандой, обильно украшенный резными завитушками. Двор был запущен, но над крыльцом выющаяся роза образовала прелестную арку.

Джедсон крутанул ручку старинного звонка. Несколько минут мы стояли в ожидании, и я рассматривал треугольники из цветных стекол, вделанные в боковые панели двери, и прикидывал, сохранился ли на свете хоть один умелец, способный изготовить вот такую дверь.

Потом она нас впустила. Выглядела она ну просто невероятно. Такая маленькая, что я смотрел сверху вниз на ее макушку, на чистенькую розоватую кожу, которая просвечивала сквозь жидкие, аккуратно причесанные волосы. И весила она меньше семидесяти фунтов, даже одевшись, чтобы выйти на улицу. Но стояла она, гордо выпрямившись в своем бледно-зеленом платье из альпаки с белым воротничком, и оглядывала нас живыми черными глазами, которые равно подошли бы и Екатерине Великой, и Бедовой Джейн.

– Доброго вам утра, – сказала она. – Входите.

Она провела нас через тесную прихожую, раздвинула занавеску из бус, прикрикнула «Брысь, Серафим!» на кота, облюбовавшего кресло, и усадила нас в своей гостиной. Кот спрыгнул на пол, отошел с величавым достоинством, а потом сел, обвил хвостом лапы и уставился на нас таким же невозмутимо-оценивающим взглядом, что и его хозяйка.

– Мой Джек предупредил меня о вас, – начала она. – Вы мистер Фрэзер, а вы мистер Джедсон. – (Это был не вопрос, а утверждение, и распределила она нас безошибочно.) – Полагаю, вам хочется узнать свое будущее. Какой способ вы предпочитаете – ладони, звезды, кофейную гущу?

Я хотел было объяснить ей, что вышло недоразумение, но Джедсон меня опередил:

– Думается, способ лучше выбрать вам, миссис Дженнингс.

– Ну хорошо. Тогда на чайниках. Сейчас поставлю чайник, это и минуты не займет.

Она засемила на кухню. Мы слышали, как она ступает там по линолеуму, как деловито и уютно позвякивает и побрякивает посудой.

Когда она вернулась, я сказал:

– Надеюсь, мы не причиняем вам лишних хлопот, миссис Дженнингс.

– Ну что вы, что вы! – успокоила она меня. – Я люблю с утра попить чайку, так подкрепляет! Но мне надо было снять с огня приворотное зелье, вот я и задержалась.

– Извините...

– Ему не повредит немножко отстояться.

– Формула «Зекербони»? – поинтересовался Джедсон.

– Да ни в коем случае! – Такое предположение ее даже расстроило. – Убивать кроткие милые существа? Зайчиков, ласточек, горлиц? Подумать и то страшно! Не понимаю, о чем думал Пьер Мора, когда составлял этот рецепт. Так бы и надавала ему оплеух! Нет, я пользуюсь совсем другим – колокольчик съедобный, померанец и амбра. А действует не хуже.

Тут Джедсон осведомился, не применяет ли она сок вербены. Она взглядела в его лицо, а потом сказала:

– Сынок, у тебя самого есть дар прозрения, верно?

– Очень слабый, матушка. Очень!

– Ничего, он наберет силу. Только не злоупотребляй им. Ну а вербена оказывает нужное действие, как ты знаешь.

– Так не проще ли?..

– Проще-то проще, но если такой нехитрый способ получит известность, то все кому не лень начнут им пользоваться направо и налево, а это куда как плохо. И колдуны с колдуньями поумирают с голоду в ожидании клиентов, что, пожалуй, не так уж плохо! – Она вздернула седую бровь. – Ну а если ты за простотой гонишься, так и вербену тревожить незачем. Вот, например... – Она протянула палец и коснулась моей руки, бормоча: «*Bestarberto corruptit viscera ejus virilis*». Или что-то в этом роде. За точность я не поручусь.

Да и не было у меня времени думать о заклятии, которое она произнесла. Меня совершенно поглотило внезапно нахлынувшее чувство. Я вдруг влюбился – восторженно, упоенно влюбился... в бабушку Дженнингс! Нет, она вовсе не показалась мне юной красавицей, ничего подобного! Я по-прежнему видел перед собой маленькую высохшую старушку с лицом мудрой мартышки, годящуюся мне в прабабушки. Только это не имело ни малейшего значения. Она

была – она. Прекрасная Елена, предмет вожделения всех мужчин, их романтического преклонения.

Она улыбнулась мне ласковой понимающей улыбкой, и я преисполнился счастья. Но тут она сказала добрым тоном:

– Не стану делать тебя посмешищем, сынок! – опять коснулась моей руки и что-то прошептала.

И тут же наваждение рассеялось. Я снова видел перед собой милую старушку, которая и пирожки внуку напечет, и с больной соседкой посидит. Ничего не изменилось, и даже кот не моргнул. От пылкого чувства осталось только воспоминание – отвлеченное и спокойное. Но у меня будто отняли что-то очень важное.

Тем временем закипел чайник. Она засемила на кухню и вскоре вернулась с подносом, уставленным чашками, между которыми красовался тминный кекс, окруженный ломтиками хлеба домашней выпечки, намазанными душистым маслом.

Когда мы все чинно выпили по чашечке, миссис Дженнингс взяла чашку Джедсона и всмотрелась в чайники на доньшке.

– Денег не очень-то много, – объявила она, – но тебе много и не потребуется, а жизнь смотрится полная и дающая радость. – Она помешала ложечкой остатки чая. – Да, у тебя есть дар и понимание, которое должно ему сопутствовать, но, вижу, ты предпочитаешь делать дело, вместо того чтобы постигать великое искусство или хотя бы малое. Почему?

Джедсон пожал плечами и ответил, словно извиняясь:

– Кругом полно работы, которую нужно делать сейчас. Вот ею я и занимаюсь.

– И правильно! – Она кивнула. – Из каждой работы можно почерпнуть понимание, и ты его почерпнешь. Торопиться некуда – времени много. Когда настанет черед твоего собственного дела, ты его узнаешь и будешь готов к нему. Ну-ка, дай мне свою чашку! – сказала она, обращаясь ко мне.

Я отдал ей чашку. Несколько секунд она смотрела на чайники, а затем сказала:

– Ну, у тебя нет ясных глаз твоего друга, но ты обладаешь прозрением в том, что касается твоей работы. А все сверх того только пробудило бы в тебе томление духа, потому что я вижу тут деньги. Ты наживешь много денег, Арчи Фрэзер.

– А деловой неудачи сейчас вы не видите? – торопливо спросил я.

– Нет. Да ты сам взгляни! – Она указала на чашку, я наклонился и заглянул внутрь. Несколько секунд за чайниками, словно по киноэкрану, скользили изображения. Я сразу узнал свой магазин – даже выщербины на столбах ворот, ведущих во двор, – водители грузовиков склонны заворачивать в них слишком круто.

Но к магазину было пристроено новое крыло, а во дворе стояли две чудесные новехонькие пятитонки с моей фамилией на бортах!

И тут я увидел, что выхожу из дверей и иду по улице в модной шляпе. Костюм на мне, правда, был тот самый, в котором я пришел к миссис Дженнингс, и галстук тот же – клетчатый, цветов клана моих предков. Я поднял руку и погладил его.

– Ну, пока достаточно, – сказала миссис Дженнингс, и я увидел под чайниками дно чашки. – Ты видел, – продолжала она, – и можешь не тревожиться за свой магазин. Ну а любовь, женитьба и дети, болезни, здоровье и смерть... сейчас поглядим.

Кончиком пальца она коснулась остатков чая, и чайники заколыхались. Несколько секунд она вглядывалась в них. Брови у нее сдвинулись, она хотела было что-то произнести, но опять устала в чашку.

– Не все ясно, – сказала она наконец. – Не понимаю. Моя собственная тень накладывается на образы.

– Дайте я попробую, – предложил Джедсон.

– Не суйся, куда не просят! – ответила она с удивившей меня резкостью и прикрыла чашку ладонью, а потом посмотрела на меня с состраданием. – Будущее твое неясно, так как у тебя два возможных будущих. Постарайся, чтобы ум управлял твоим сердцем, и не терзай его из-за несбыточного. Тогда ты женишься, обзаведешься детьми и будешь доволен своим жребием. – Она исчерпала эту тему, так как тут же обратилась к нам обоим: – Но вы пришли не гадать, вы пришли искать помощи иного рода. – И вновь это было утверждение, а не вопрос.

– Какого же, матушка? – спросил Джедсон.

– Вот такого! – ответила она и сунула чашку ему под нос.

Он поглядел в чашку и пробормотал:

– Да, верно. А помочь можно?

Я тоже заглянул за край, но увидел только чайнки.

– Думаю, да, – ответила она. – Не стоило вам связываться с Бидлом, ну да кто не ошибается! Поехали.

Без дальнейших разговоров старушка принесла перчатки, сумочку и пальто, водрузила на голову нелепую старую шляпку и выпроводила нас из дома. Об условиях мы не договаривались, это казалось лишним.

Когда мы вернулись ко мне, ее рабочее помещение уже высылось во дворе. В отличие от Бидла – никакого шика, а просто старая палатка, смахивающая на цыганский шатер, островерхая и пестрая. Миссис Дженнингс откинула шаль, заменяющую дверное полотно, и пригласила нас войти.

Там было темно, но она достала большую свечу, зажгла ее и прилепила посреди палатки. При ее свете она начертила на земле пять кругов – сначала большой, а перед ним второй поменьше. Затем два по сторонам первого и самого большого. В них легко мог поместиться человек, и она велела нам встать там. Последним она начертила круг в стороне и не больше фута в поперечнике.

Я никогда не обращал особого внимания на процедуры чародеев – к ним я отношусь так же, как Томас Эдисон, по его словам, относился к математикам: когда ему требовался математик, он его нанимал. Но миссис Дженнингс была совсем другой. Как мне хотелось понять, что именно она делает и для чего!

Я видел, что на земле, расчерченной кругами, она нарисовала много всяких каббалистических знаков. Различные фигуры, а также письмена, которые я считал древнееврейскими, но Джедсон говорит, что я ошибся. Особенно мне запомнился длинный вытянутый зигзаг с петлей внутри, вплетенный в мальтийский крест. По обеим сторонам креста она прилепила еще две свечи и зажгла их.

Потом вогнала кинжал (Джедсон сказал, что это артам), которым выцарапывала фигуры, прямо в верхнюю точку большого круга, и с такой силой, что он еще долго дрожал. И вообще продолжал вибрировать до самого конца.

В центре большого круга она поставила складной стульчик, села, вытащила какую-то книжечку и начала читать еле слышным шепотом. Слов я не разбирал, и, видимо, мне слышать их было не положено. Так продолжалось некоторое время. Я покосился по сторонам и обнаружил, что один из маленьких кругов тоже занят – в нем устроился Серафим, ее кот. А мы ведь заперли его у нее в доме. Он хранил величавое спокойствие и следил за происходящим с несуетным интересом.

Вскоре она закрыла книжицу и кинула щепотку порошка в пламя самой большой свечи. Порошок ярко вспыхнул и выбросил облако дыма. Точно не знаю, что произошло потом, так как от дыма у меня защипало глаза и я отчаянно заморгал, да и вообще Джедсон утверждает, что я понятия не имею, для чего нужно окуривание. Но я предпочитаю полагаться на свое зрение. Клуб дыма либо сгустился в плотное тело, либо замаскировал его появление через вход.

Во всяком случае, в кругу прямо против миссис Дженнингс стоял могучий мужчина очень маленького роста – не более четырех футов, если не менее. Плечи у него были шире моих на несколько дюймов, а руки выше локтя поспорили бы с моими ногами выше колен и бугрились узловатыми мышцами. Одет он был в набедренную повязку, ременные сандалии и шапочку вроде капюшона. Его кожа была вовсе лишена волос и выглядела грубой и землистой. Все в нем было до невыносимости однообразным, кроме глаз, горевших зеленым огнем ярости.

– Ну-ну! – строго произнесла миссис Дженнингс. – Долго же ты сюда добирался! Что ты можешь сказать в свое оправдание?

Он ответил сердито, как мальчишка, которого поймали на шалости, а он и не собирается просить прощения. Говорил он на языке, полном скрежещущих и шипящих звуков. Она слушала с минуту, а потом перебила его:

– Мне все равно, кто тебе велел! Ты отвечаешь передо мной! И я требую, чтобы все было исправлено. И в один момент!

Он огрызнулся, и она перешла на его язык, так что я перестал понимать. Но было ясно, что речь идет обо мне, – он злобно на меня косился, а под конец не сдержался и плюнул в мою сторону.

Миссис Дженнингс протянула руку и хлопнула его ладонью по губам. Он взглянул на нее, словно был готов тут же покончить с ней, и что-то буркнул.

– Ну и что? – сказала она, ухватила его за шею и перекинула через свое колено физиономией вниз. Потом сдернула с ноги туфлю и хорошенько его отшлепала. Он стал вопить, но вскоре умолк и только дергался при каждом ударе.

Закончив, она встала, так что он свалился на землю, но тут же вскочил и юркнул назад в свой круг, потирая ушибленные места. Глаза миссис Дженнингс метали молнии, голос стал грозным – она уже совсем не казалась дряхлой и слабой.

– Вы, гномы, начали много себе позволять, – отчитывала она его. – В жизни такого не слышала! Прекрати немедленно, не то я приглашу твой народец посмотреть, какую трепку я тебе задам. Зови своих на подмогу, пригласи своего братца и братца твоего братца. Во имя великого Тетраграмматона отправляйся на положенное тебе место.

Он исчез. И почти тут же появился следующий посетитель. Сначала – как висящая в воздухе искорка, которая затем разгорелась в живое пламя, в огненный шар шести дюймов в поперечнике, а может, и больше. Шар парил над центром второго круга на высоте глаз миссис Дженнингс. Плясал, кружил, вспыхивал, ничем не питаемый. Хотя я их раньше никогда не видел, мне сразу стало ясно, что это саламандра. Чем еще мог быть живой огонек?

Миссис Дженнингс минуту-другую следила за саламандрой молча, видимо получая от ее танца такое же удовольствие, как и я. Истинное воплощение красоты без малейшего изъяна. Пылкость, звенящая радость, которая не задавалась вопросами о добре и зле, а существовала вне их, *вне всего* человеческого. Гармония цвета и формы сама по себе была смыслом ее существования.

По-моему, я натура практичная. Во всяком случае, мой принцип – делай свое дело хорошо, а остальное приложится. Но тут я созерцал то, что имело право быть, какой бы вред оно ни причиняло по моим меркам. Даже кот и тот мурлыкал.

Миссис Дженнингс заговорила с саламандрой звонким сопрано, не нуждавшимся в словах. Та отвечала чистыми переливчатыми нотами, а ее цвета менялись в лад кадансу. Миссис Дженнингс обернулась ко мне:

– Она не отрицает, что спалила твой магазин, но ее об этом попросили, а понять вашу точку зрения ей не дано. Мне не хочется принуждать ее поступать против собственной природы. Нет ли у тебя чем ее порадовать?

Я задумался.

– Скажите ей, что ее танец дарит мне радость.

Миссис Дженнингс вновь запела без слов, а саламандра вертелась, прыгала, и ее огненные переливы слагались в сложные чудесные узоры.

– Это хорошо, но мало. Попробуй придумать еще что-то.

Я напряг мысли.

– Скажите, если она захочет, я построю у себя дома камин, где она всегда будет желанной гостьей.

Миссис Дженнингс одобрительно кивнула и опять заговорила с саламандрой. Я и сам понял ее ответ, но миссис Дженнингс все равно перевела:

– Ты ей нравишься. Ты разрешишь ей приблизиться к тебе?

– А это для меня не опасно?

– Здесь – нет.

– Ну хорошо.

Миссис Дженнингс начертила между нашими кругами большую букву «Т», а саламандра двигалась за артамом почти вплотную, как кошка за открывающейся дверью. Она закружилась вокруг меня, чуть-чуть прикасаясь к моим рукам и лицу. Я не чувствовал жжения, только легкое щекотание, словно я воспринимал ее вибрирование напрямую, а не как жар огня. Она обволокла мое лицо, и я погрузился в царство света, словно проникнув в сердце северного сияния. Я опасливо задержал дыхание, но вскоре был вынужден вдохнуть. Со мной ничего плохого не случилось, только стало еще щекотней.

Странно, однако, с тех пор как ко мне прикоснулась саламандра, я забыл, что такое насморк. А ведь прежде всю зиму хлюпал носом.

– Ну будет, будет! – услышал я голос миссис Дженнингс, и облачко пламени, оставив меня, послушно возвратилось в свой круг.

Музыкальные переговоры возобновились, но, видимо, они почти сразу же пришли к согласию, так как миссис Дженнингс удовлетворенно кивнула.

– Так лети же, дочь огня, однако вернись, когда в тебе будет нужда. Во имя... – И она повторила ту же формулу, какой спровадила повелителя гномов.

Ундина заставила себя ждать. Миссис Дженнингс вновь взяла свою книжицу и стала читать монотонным шепотом. Я начал подремывать – в палатке было душно, – как вдруг кот зашипел. Распушив хвост, выгнув спину и выпустив когти, он свирепо уставился на центральный круг.

Там появилось бесформенное нечто. Оно капало и растекалось слизью до самых границ круга. Оттуда несло рыбой, гниющими водорослями и йодом, и оно влажно фосфоресцировало.

– Ты опоздала, – сказала миссис Дженнингс. – Ты получила мою весть, так почему же ты медлила, пока я тебя не принудила?

Оно чмокнуло, как липкая грязь, но ничего не ответило.

– Очень хорошо, – твердо произнесла миссис Дженнингс. – Спорить с тобой я не собираюсь. Тебе известно мое желание. И ты его исполнишь! – Она встала и схватила большую свечу. Ее фитилек вдруг выбросил жгучий язык пламени, и миссис Дженнингс направила его за границу своего круга на ундину.

Раздалось шипение, словно брызнули водой на раскаленное железо, и булькающий вопль. Но миссис Дженнингс хлестала и хлестала пламенем, а потом перестала и поглядела вниз на дрожащую, втягивающуюся внутрь себя ундину.

– Довольно! – сказала она. – В следующий раз ты будешь выполнять приказания своей госпожи без промедления! Во имя...

Ундина словно впиталась в землю, оставив ее сухой.

Когда она исчезла, миссис Дженнингс жестом пригласила нас с Джедсоном войти в ее круг и кинжалом рассекла наши круги, выпуская нас. Серафим легко прыгнул из своего кружка

и принялся тереться о ее ноги, громко мурлыча. Она же повторила набор бессмысленных слов и звонко хлопнула в ладоши.

Ударил ветер, раздался рев. Стенки палатки прогибались и хлопали. Я услышал журчание воды и треск огня, а сквозь них – бегущие шаги. Миссис Дженнингс смотрела то сюда, то туда, и там, где ее взгляд падал на стенку палатки, брезент становился прозрачным, и я успевал мельком увидеть какую-то бешеную свистопляску.

Затем все оборвалось с ошеломляющей внезапностью. От тишины у нас зазвенело в ушах. Палатка исчезла. Мы стояли во дворе перед моим главным складом.

Да, он был передо мной! Целый и невредимый, без малейших повреждений от огня или от воды. Я кинулся бегом в ворота, чтобы посмотреть с улицы на магазин. И увидел его таким же, каким он был. Витрины блестели в солнечных лучах, один угол украшала эмблема Ротари-клуба, а на крыше красовалась моя двусторонняя вывеска:

**АРЧИБАЛЬД ФРЭЗЕР
СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ПОДРЯДЫ**

Вскоре из ворот вышел Джедсон и потрогал меня за плечо:

– Почему ты льешь слезы, Арчи?

У меня глаза на лоб полезли: я ведь даже не заметил.

В понедельник утром дела шли заведенным порядком, и я решил, что все уладилось и мои несчастья остались позади. Но я поторопился с выводами.

Сначала нельзя было заметить ничего сколько-нибудь определенного – просто обычные неполадки, мелкие неприятности, которые случаются у кого угодно и мешают двигаться по накатанной колее. Вы их ожидаете и учитываете в накладных расходах. Но ни одна не стоила внимания, если бы... если бы они не накладывались друг на друга почти непрерывно.

В любом предприятии, если оно солидно, общая сумма убытков из-за непредвиденных случайностей за год должна составлять какой-то определенный процент всех расходов. И в смете его учитываешь заранее. Но в моем предприятии количество происшествий и мелких трудностей возросло настолько, что это заметно съедало прибыль.

Как-то утром два моих фургона вдруг перестали заводиться. Причину отыскать не удалось, и я вынужден был отправить их в мастерскую и взять напрокат фургон, так как остался всего с одним. Мы все доставили вовремя, но мне пришлось уплатить за грузовик, по счетам мастерской и сверхурочные шоферам, так что день оказался просто убыточным.

А на следующее утро я готовился заключить контракт с клиентом, которого уговаривал два года. Контракт был на мелкие работы, но в будущем он мог привести к крупным заказам, поскольку клиент этот владел большим количеством доходной недвижимости – парочкой жилых домов, с полдюжины разных магазинов, а также множеством пригодных для застройки участков по всему городу. Ему постоянно требовались ремонтные работы, а нередко он что-нибудь строил. Если бы он остался доволен мной, то я мог бы рассчитывать на постоянные заказы и быструю их оплату – с такими клиентами стоит иметь дело и при невысокой прибыли.

Мы стояли в торговом зале у дверей моего кабинета и беседовали, оговорив уже почти все. Шагах в трех от нас высилась аккуратная пирамида банок с солнцестойкой краской. Клянусь, ни он, ни я к ней не прикасались, однако пирамида внезапно рухнула с грохотом, от которого можно было оглохнуть.

Но хуже того, с одной из банок слетела крышка, и моего потенциального клиента обдало красной краской. Он так охнул, что я испугался, как бы он не упал в обморок, и увел его в кабинет, где тщетно пытался почистить его костюм носовым платком, стараясь его успокоить.

Он был в жутком состоянии и физически, и душевно.

– Фрэзер! – выкрикнул он в бешенстве. – Вы должны уволить продавца, который опрокинул банки! Вы только посмотрите на меня! Я за этот костюм заплатил восемьдесят пять долларов, а что от него осталось?

– Не будем торопиться, – сказал я мягко, стараясь держать себя в руках. Я никого увольнять не стану по капризу клиента: не люблю, когда мне предъявляют такие ультиматумы. – Никто к ним не подходил.

– Так, по-вашему, я их опрокинул?

– Вовсе нет. Ничего подобного. – Я выпрямился, вытер руки, подошел к письменному столу и достал чековую книжку.

– Значит, вы!

– Не думаю, – ответил я терпеливо. – Сколько, вы сказали, стоил ваш костюм?

– А что?

– Хочу выписать вам чек на эту сумму.

Я считал, что так будет справедливо. Конечно, виноватым я себя не считал, но это произошло с ним в моем магазине и не по его вине.

– Так легко вы не отделаетесь! – ответил он нелогично. – Меня не деньги интересуют... – Он нахлобучил шляпу на голову и злобно продефилировал к двери. Его репутация была мне хорошо известна, и я знал, что больше его не увижу.

Вот о какого рода неприятностях я говорил. Конечно, банки могли установить небрежно и все произошло случайно. Но тут мог быть замешан и полтергейст. Несчастные случайности сами себя не подстраивают.

Два дня спустя ко мне пришел Дитворт по поводу Бидла и его гонорара. Меня с утра до вечера преследовали мелкие неприятности, и во мне закипало раздражение. Как раз перед его приходом каменщики ушли с одной моей стройки, потому что какой-то олух мелом начертил на десятке кирпичей какие-то дурацкие знаки. «Это вуду!» – объявили они и отказались прикасаться к залятым кирпичам. Так что я был не в настроении разглагольствовать с мистером Дитвортом. По-моему, я обошелся с ним довольно-таки резко.

– Позвольте, мистер Фрэзер, пожелать вам доброго утра, – начал он очень любезно, – не могли бы вы уделить мне минуту-другую?

– Ну, десять минут, пожалуй, – ответил я, взглянув на свои часы.

Он поставил свой дипломат около ножки стула и извлек какие-то бумаги.

– Если так, то я сразу перейду к делу. Дело касается претензий доктора Бидла. Мы с вами люди порядочные и, думаю, придем к соглашению, устраивающему всех.

– У Бидла ко мне не может быть никаких претензий.

– Я прекрасно понимаю вашу точку зрения! – Он кивнул. – Бесспорно, в письменном контракте ничто не обязывает вас ему заплатить. Но ведь есть неоговоренные контракты, которые столь же обязательны, как и занесенные на бумагу.

– Не понял. Я все свои сделки оформляю в письменном виде.

– Безусловно, – согласился он. – Потому что вы бизнесмен. Но в некоторых профессиях положение иное. Если вы обратитесь к дантисту и попросите его удалить больной зуб, то, когда он его удалит, вы будете обязаны уплатить ему гонорар, пусть даже прежде о гонораре речи не было...

– Совершенно верно, – перебил я, – но ничего общего это с Бидлом не имеет. Он ведь зуба, так сказать, не удалил.

– В каком-то смысле – удалил, – настаивал Дитворт. – Он хочет, чтобы ему уплатили за предварительный осмотр, то есть за услугу, оказанную вам до подписания контракта.

– Но гонорар за эту услугу не упоминался!

– Вот тут-то и возникает подразумеваемое обстоятельство, мистер Фрэзер. Вы сказали доктору Бидлу, что беседовали со мной. И он совершенно обоснованно предположил, что я объяснил вам правила нашей ассоциации касательно выплаты гонораров...

– Но я в ассоциацию не вступил!

– Знаю, знаю. Я сообщил это остальным членам правления, но они настаивают, что дело должно быть улажено. Лично я не считаю, что вся вина лежит на вас, но войдите в наше положение. Мы не сможем принять вас в ассоциацию, пока это дело не будет улажено... с учетом прав доктора Бидла.

– Но почему вы убеждены, что я собираюсь вступить в ассоциацию?

Он принял огорченный вид:

– Я не ожидал, что вы займете такую позицию, мистер Фрэзер. Ассоциация нуждается в людях вашего калибра. Но вступить в нее – значит соблюсти ваши собственные интересы, мистер Фрэзер. Вскоре получить помощь квалифицированного чародея, не состоя в ассоциации, будет очень и очень трудно. Мы хотим помочь вам. Пожалуйста, не осложняйте нам эту задачу.

Я встал:

– Боюсь, вам придется предъявить мне иск, а там пусть решает суд, мистер Дитворт. Иного разумного выхода я не вижу.

– Мне очень жаль, – сказал он, покачивая головой. – Это может вам помешать, когда вы попытаетесь вступить в ассоциацию.

– Пусть так, – ответил я резко и выпроводил его.

Едва он ушел, я устроил нагоняй секретарше за то, что она занимается ерундой, которую (как оказалось) я сам ей и поручил накануне, и мне пришлось извиниться. Некоторое время я выпускал пары, расхаживая взад и вперед, хотя работы было навалом. Но я нервничал: эти мелкие неприятности – а я не упомянул и половины их – довели меня до белого каления, и нахальные требования Дитворта послужили последней каплей, полностью выведя меня из себя. Конечно, своим иском он ничего не добьется – это было бы уж слишком, – но крови попортит мне много. Говорят, в Китае есть такая пытка: на голову жертвы каждые несколько минут падает капля воды. Вот что я чувствовал.

В конце концов я позвонил Дждсону и пригласил его пообедать со мной.

После обеда мне стало легче. Дждсон меня, как всегда, успокоил, и, просто рассказав ему о том, что мне досаждало, я сумел выбросить из головы почти все эти неприятности. Когда я допил вторую чашку кофе и выкурил сигарету, меня уже можно было бы почти без опаски выпускать в приличное общество.

Мы неторопливо пошли ко мне, разговаривая, против обыкновения, о его делах, а не о моих. Оказалось, что блондинке – белой колдунье из Джерси-Сити – удалось-таки синтезировать пусть не одежду, а обувь. Было лишь одно «но»: пока она изготовила больше восьмисот левых туфель – и ни единой правой!

Мы обсуждали возможную причину такой неудачи, как вдруг Дждсон воскликнул:

– Взгляни-ка, Арчи! Тобой начали интересоваться фотографы!

Я повернул голову. На тротуаре прямо напротив моего магазина стоял какой-то типчик и целился фотокамерой.

Я посмотрел на него повнимательней:

– Джо! Это тот самый подонок, про которого я тебе говорил, ну который приходил ко мне и с которого все началось!

– Ты уверен? – спросил Дждсон, понизив голос.

– Абсолютно.

Сомнений быть не могло. Мы были на той же стороне улицы и всего в нескольких шагах от него. Тот самый рэкети́р, который пытался навязать мне «защиту», – та же средиземноморская внешность, тот же броский костюм.

– Надо его спаять! – шепнул Джедсон.

Но я и сам сообразил. Прыгнул на него, ухватил за воротник и брюки и, прежде чем он опомнился, поволок его через улицу, толкая перед собой. Не знаю уж, как нас не сбили, но я от бешенства ничего не замечал. Джедсон бежал за нами.

Дверь в мой кабинет была открыта. Я поднажал, и мерзавец, перелетев через порог, растянулся на полу. Джедсон вбежал следом за мной, и я запер дверь на засов.

Джедсон кинулся к письменному столу, рывком открыл средний ящик, порывшись в хламе, который всегда накапливается в таких местах, и нашел что искал – синий плотницкий карандаш. В мгновение ока он очутился возле гангстера, который еще толком не опомнился, и обвел того линией, чуть не споткнувшись о собственные ноги от спешки, но успел замкнуть круг сложной загогулиной.

Наш непрощенный гость завизжал, увидев, что делает Джо, и попытался выскочить из круга, но было поздно. Джедсон запечатал круг, так что гангстер отлетел от черты, будто ударившись о стеклянную стену, и свалился на колени. В этой позе он принялся сыпать ругательствами на языке, который я счел итальянским, хотя, по-моему, он пользовался черными словами и других языков – английскими, это уж точно.

Да, «красноречия» ему было не занимать.

Джедсон взял сигарету, закурил и протянул пачку мне.

– Давай-ка сядем, Арчи, и отдохнем, пока наш приятель не созреет до делового разговора.

Я сел, и мы несколько минут покуривали под непрекращающийся град ругательств. Наконец Джедсон вздернул бровь и сказал:

– А тебе не кажется, что ты уже повторяешься?

Тот поперхнулся и замолчал, сверкая злобными глазками.

– Ну, – продолжал Джедсон, – что ты можешь сказать в свое оправдание?

Тот проворчал что-то неразборчивое, а затем буркнул:

– Требую адвоката!

Джедсон усмехнулся.

– Ты не понимаешь своего положения, – сказал он. – Тебя никто не арестовывал, и мы плевать хотели на твои гражданские права. Вот возьмем сотворим под тобой колодец и крышку захлопнем.

Тот, хоть и был смуглым, побледнел очень заметно.

– Да-да, – продолжал Джедсон. – Мы на это вполне способны, а может, на что-нибудь и похуже. Понимаешь, ты нам не нравишься. Конечно, – добавил он задумчиво, – мы можем и просто передать тебя полиции. Сердце у меня мягкое.

Наш пленник насупился.

– А, так тебе и это не по вкусу? Отпечатки пальчиков? – Джедсон вскочил и встал прямо перед ним почти вплотную к кругу. – Ну хватит! – рявкнул он. – Отвечай и не ври! Для чего ты делал снимки?

Тот что-то пробормотал, но я не расслышал, а Джедсон только отмахнулся:

– Не пори чушь, мы же не дети! Кто тебя послал?

Но тот от ужаса вообще замолчал.

– Очень хорошо! – Джедсон повернулся ко мне. – У тебя не найдется воска или пластилина?

– А замазка не подойдет? – спросил я.

– Самое оно!

Я сбегал на склад, где у меня хранились материалы для вставки стекол, и вернулся с пятифунтовой банкой замазки. Джедсон вскрыл ее, зачерпнул горсть, сел за стол, смочил замазку льняным маслом и стал разминать ее, пока она не стала мягкой. Наш пленник следил за ним с видимым страхом.

– Ну вот! – объявил наконец Джедсон, шмякнул ком на промокательную бумагу и начал что-то лепить.

Мало-помалу под его пальцами возникла куколка дюймов десять высотой. Ни на что и ни на кого, в общем-то, не похожая. Джедсон скульптор не ахти какой, однако он то и дело переводил взгляд с фигурки на человека в кругу и обратно, точно ваятель, лепящий с натуры глиняную модель будущей статуи. И я видел, как возрастает ужас, охвативший его натурщика.

– Ну вот! – объявил Джедсон, еще раз взглянув на своего подневольного натурщика. – Безобразна, прямо как ты! Зачем ты снимал?

Тот не ответил, а только попятился в круге, скорчив еще более злобную рожу.

– Отвечай! – приказал Джедсон и крутанул ступню куколки, зажав ее между большим и указательным пальцем. Та же ступня нашего пленника дернулась и резко повернулась. Он рухнул на пол с громким воплем.

– Ты собирался наложить чары, так?

В первый раз тот ответил членораздельно:

– Нет, мистер, не я!

– Не ты? Так-так. Значит, ты мальчик на посылках. А кто чародей?

– Не знаю... О-ох! Господи! – Он принялся растирать левую икру – Джедсон всадил перо ручки куколке в ногу. – Я не знаю. Правда не знаю! Не надо! Пожалуйста...

– Может, и не знаешь, – с неохотой признал Джедсон. – Но тебе известно, от кого ты получаешь приказы и кто еще состоит в вашей шайке. Давай выкладывай!

Тот раскачивался, пряча лицо в ладонях.

– Я боюсь, мистер! – простонал он. – Не заставляйте меня, ну пожалуйста!

Джедсон снова кольнул куколку ручкой, наш пленник подпрыгнул, задрожал, но на этот раз промолчал с угрюмой решимостью.

– Ладно, – сказал Джедсон, – раз ты настаиваешь...

Он затаился сигаретой, а затем поднес тлеющий кончик к лицу куколки. Человек в круге попытался отдернуть голову, вскинул руки, чтобы защитить лицо, но тщетно. Я увидел, как краснеет кожа, как вздуваются пузыри. Мне стало плохо, и, хотя эта крыса у меня никакого сочувствия не вызывала, я собрался попросить Джедсона перестать, но в эту секунду он сам убрал сигарету от лица куклы.

– Ну, будешь говорить? – спросил он, и тот слабо кивнул, а по его обожженным щекам катились слезы.

Казалось, он вот-вот потеряет сознание.

– Ну-ка, без глупостей! – добавил Джедсон и кончиком пальца ударил куколку по лицу.

Я услышал звук пощечины, и голова нашего пленника дернулась, как от удара, но это его словно подбодрило.

– Ладно, Арчи, садись записывать. А ты, приятель, говори все, что знаешь. Со всеми подробностями. А если память начнет тебе изменять, подумай, понравится ли тебе, если я прижму сигарету к глазам куколки.

Ну, тот начал говорить, вернее, выкладывать все. Он, казалось, совсем пал духом и даже как будто находил облегчение в словах, останавливаясь, только чтобы утереть глаза или высморкаться. А Джедсон помогал ему вопросами, когда он начинал путаться.

Кроме него самого, насколько ему было известно, в шайке состояло еще пятеро, и действовали они так, как мы и предполагали. Они рассчитывали взять поборы со всех, кто в нашей части города был так или иначе связан с чародейством, – с чародеев и их клиентов оди-

наково. Никакой защиты они предложить не могли – только против собственных бесчинств. Кто его босс? Он сказал нам. Его босс – самый главный? Нет, но кто главный, ему неизвестно. И больше он ничего не может сказать, даже если мы сожжем его заживо. Да, его босс на кого-то работает, только он не знает на кого. А организация большая, в этом он уверен. Его выписали из одного города на Востоке, чтобы он помог наладить этот рэкет.

Сам он чародей? Да упаси бог! А его босс? Нет. Он уверен, что нет. Всем таким распорядился кто-то наверху. Больше он ничего не знает, можно ему уйти? Джедсон продолжал его расспрашивать, и он добавил кое-какие подробности, в большинстве незначительные, но я записал и их. В заключение он сказал, что к нам обоим вроде бы намечено применить особые меры, потому что мы успешно исправили последствия первого «урока».

Наконец Джедсон кончил его допрашивать и сказал:

– Я тебя отпущу, но лучше уберись из города. Чтоб я тебя больше тут не видел! Но очень далеко не уезжай: ты можешь мне еще понадобится. Видишь? – Он поднял куколку и начал осторожно сжимать ее в поясе. Бедняга тут же захрипел, словно его затянули в смирительную рубашку. – Не забывай, я доберусь до тебя, едва захочу. – Он раздвинул пальцы, и его жертва охнула, переводя дух. – Твое альтер эго, то есть, по-твоему, куклу, я уберу в безопасное место под холодное железо. Когда я тебя позову, ты почувствуешь вот такую боль... – Он ущипнул плечо куколки, и бедняга взвизгнул. – Так сразу звони мне, где бы ты ни был.

Джедсон достал из нагрудного кармана перочинный ножик, рассек круг в трех местах, затер разрывы и скомандовал:

– А теперь убирайся!

Я думал, тот сбежит, едва выйдя на свободу, но ошибся. Он нерешительно переступил черту и немного постоял, весь дрожа. Потом, спотыкаясь, побрел к двери. На пороге остановился и посмотрел на нас глазами, полными страха. И мольбы. Он как будто хотел что-то сказать, но передумал, повернулся и вышел за дверь.

Я посмотрел на Джедсона. Он взял мои записи и проглядел их.

– Не знаю, – задумчиво пробормотал мой друг, – что лучше: прямо передать его признания в Бюро Береженого Бизнеса – и пусть они сами разбираются с этим делом – или продолжать действовать самостоятельно. Такой соблазн!

Но меня в ту минуту мучило другое.

– Джо, – сказал я, – ну зачем ты его обжег?

– А? Что? – Он словно удивился и перестал почесывать подбородок. – Я его не обжигал.

– Не прячься за слова! – сказал я с раздражением. – Ты обжег его при помощи куклы... то есть при помощи чародейства.

– Не обжигал я его, Арчи! Честное слово. Он сам себя обжег – и без всякого чародейства. Я тут ни при чем.

– Не понимаю!

– Симпатическая магия, Арчи, – это вовсе не чары, а просто практическое сочетание нейропсихологии и коллоидной химии. Все это он сам с собой проделывал, потому что верит в черную магию. А я всего лишь верно определил его умственные способности.

Наш разговор прервал душераздирающий крик, раздавшийся где-то снаружи. Он оборвался на самой верхней ноте.

– Что это? – спросил я, судорожно сглатывая.

– Не знаю, – ответил Джедсон, подошел к двери, посмотрел направо, налево и продолжал: – Это, должно быть, где-то далеко. Я ничего не вижу. – Он вернулся в комнату. – Как я сказал, будет очень интересно...

На этот раз его прервала сирена полицейской машины. Мы услышали ее еще вдалеке, но звук стремительно нарастал и наконец вырвался из-за угла на нашу улицу. Мы переглянулись.

– Надо бы посмотреть, – сказали мы хором и нервно засмеялись.

Это был наш знакомый гангстер. Мы обнаружили его на полпути до следующего угла среди кучки любопытных прохожих, которых оттесняли полицейские из машины, остановившейся у тротуара.

Он был мертв.

И лежал на спине, но поза его не дышала покоем. От лба до пояса его тело было располосовано. Три глубокие, до кости, примерно параллельные раны могли быть оставлены когтями коршуна или орла. При условии, что величиной эта птица не уступала бы пятитонному грузовику.

Застывшее на лице выражение ни о чем не говорило. Лицо и горло были выпачканы, а рот забит каким-то желтоватым веществом с лиловыми прожилками, по консистенции напоминавшим домашний сыр, но запах был омерзителен до невообразимости.

Я обернулся к Джедсону, который чуть побледнел, и сказал:

– Пошли отсюда!

И мы вернулись ко мне.

В конце концов мы решили не обращаться в Бюро Береженого Бизнеса или в полицию, пока не проведем собственного небольшого расследования. И к лучшему. Ни одного члена шайки, чье имя нам было известно, мы не нашли ни по одному записанному нами адресу. Доказательств, что такой человек действительно существовал, было сколько угодно, и все они жили по адресам, которые Джедсон выпытал у их товарища. Да только все без исключения отбыли неведомо куда в тот самый день, а то и час, когда их сообщник был убит.

В полицию мы не обратились, так как не хотели оказаться хоть в какой-то степени причастными к крайне неаппетитному убийству. Джедсон удовлетворился тем, что осторожно в устной форме сообщил главные факты своему другу в Бюро Береженого Бизнеса, который, в свою очередь, сообщил их руководителю отдела по борьбе с рэкетом – или кому там счел нужным.

Некоторое время затем дела у меня шли гладко, и я прилагал все усилия, чтобы получить за квартал хоть какую-нибудь прибыль. Я и вообще выкинул бы случившееся из головы, если бы иногда не забегал к миссис Дженнингс и не пользовался бы услугами ее молодого друга Джека Боди, когда мне раза два потребовалась малая толика коммерческих чар. Он проявил себя отличным специалистом – никаких фокусов и полный ажур.

Мне уже начало казаться, что я ухватил удачу обеими руками, как началась новая полоса неприятностей. На этот раз под угрозой оказался не мой магазин, но моя жизнь, а свою шкуру я люблю, как всякий нормальный человек.

Дома у меня водонагреватель установлен на кухне. У него есть постоянно работающая малая горелка и термостат, который зажигает от нее основную. Рядом – газовая плита, тоже с постоянно включенной горелкой.

Я проснулся ночью, и мне захотелось пить. Когда я вошел в кухню – не спрашивайте, почему я не свернул напиться в ванную, я и сам не знаю, – меня затошнило от запаха газа. Я кинулся к окну, распахнул его, а затем побежал в гостиную и открыл большое окно, чтобы создать сквозняк.

Тут словно ветер зашуршал, раздалось громкое «бууум!», и я обнаружил, что сижу в гостиной на ковре.

Я даже не ушибся, да и кухня не пострадала, если не считать пары разбившихся тарелок. Открытые окна дали выход взрывной волне, смягчили ее воздействие. Природный газ взрывается, только если он скапливается в закрытом пространстве. Как это произошло, мне стало ясно, едва я осмотрел кухню. Горелка нагревателя погасла, и, когда вода в резервуаре остыла, термостат включил подачу газа, который начал разливаться по кухне. Когда его накопилось достаточно для взрыва, он вспыхнул от горелки на плите.

Видимо, я забрел на кухню в последний момент.

Я предъявил претензии по этому поводу моему домохозяину, и в конце концов мы заключили сделку – он заменил газовый нагреватель на электрический, который я продал ему по себестоимости, и сам уплатил установку.

Газ, а не чары, а? Вот и я так думал, хотя не поклянусь, нет, не поклянусь.

Еще один случай, напугавший меня, произошел на той же неделе и, казалось, никак с предыдущим связан не был. Сухую смесь – песок и гравий – я держу в бункерах, установленных на бетонных опорах, чтобы грузовики могли подъезжать под желоба для погрузки. Как-то вечером, после закрытия магазина, я проходил мимо бункеров и вдруг увидел, что кто-то оставил совковую лопату в погрузочной яме под желобами.

Мои рабочие частенько не убирают инструменты на ночь, и я решил забрать лопату к себе в машину, а утром обличить виновника. Я уже собрался спрыгнуть за ней, как вдруг меня окликнули.

– Арчибальд! – произнес голос, удивительно похожий на голос миссис Дженнингс.

Понятно, что я обернулся. Но никого не увидел и шагнул за лопатой, как вдруг раздался drobный шум и лопата исчезла под двадцатью тоннами гравия.

Погребенный заживо человек может и выжить, но только не пролежав под двадцатью тоннами ночь в ожидании, что его хватятся и откапают. Очевидной причиной несчастья была усталость металла. А неочевидной?

Причины так и оставались вполне естественными, и все же две недели я то и дело наступал на банановую кожуру – и в буквальном и в переносном смысле. Десяток раз, если не больше, меня спасала только хорошая реакция. Наконец я не выдержал и рассказал миссис Дженнингс.

– Особенно тревожиться не стоит, Арчи, – успокоила она меня. – Убить человека чарами совсем не так просто, если он сам не занимается магией и не чувствителен к ней.

– Убить или напугать до смерти, не все ли равно? – возразил я.

Она улыбнулась своей неподражаемой улыбкой и сказала:

– Не думаю, что ты так уж перепугался, милый. Во всяком случае, ты своего страха не показывал.

Я уловил подтекст этих слов и накинулся на нее:

– Так вы следили за мной и приходили мне на выручку, так?

Она широко улыбнулась и ответила:

– Это мое дело, Арчи. Молодым вредно полагаться на помощь стариков. А теперь иди занимайся своими делами. Мне надо над этим поразмыслить.

Дня через два я получил письмо. Адрес был написан чуть дрожащим бисерным почерком. В нем было достоинство прошлого века. Видел я его впервые, но догадался, кому он принадлежит, еще не вскрыв конверта. Письмо гласило:

Дорогой Арчибальд, я хотела бы, чтобы Вы познакомились с моим высокоуважаемым другом доктором Ройсом Уортингтоном. Он остановился в отеле «Белмонт» и ожидает Вашего звонка. Доктор Уортингтон больше кого бы то ни было способен уладить то, что тревожило Вас последние недели. Вы можете полностью положиться на него, особенно в случаях, требующих принятия необычных мер.

Прошу Вас познакомить с ним и Вашего друга Джедсона, если Вам угодно.

Остаюсь, сэр,

искренне Вашей доброжелательницей,
Аманда Тодд Дженнингс

Я позвонил Джедсону и прочел ему письмо. Он сказал, что сейчас же едет ко мне, а я пока должен позвонить доктору Уортингтону.

– Можно попросить доктора Уортингтона? – спросил я, едва телефонист в отеле соединил меня.

– Я слушаю, – ответил хорошо поставленный английский голос с оксфордскими интонациями.

– Меня зовут Арчибальд Фрэзер, сэр. Миссис Дженнингс написала мне, что я могу обратиться к вам.

– Да-да! – Его голос заметно потеплел. – Буду очень рад познакомиться. Когда вам будет удобно?

– Если вы не заняты, я мог бы подъехать прямо сейчас.

– Погодите... – Он замолчал, видимо поглядев на часы. – Мне надо побывать в вашей части города. Не мог бы я заехать к вам через полчаса или чуть позднее?

– Чудесно, доктор! Конечно, если вас это не затруднит...

– Нисколько. Так я буду у вас.

Скоро приехал Джедсон и еще с порога начал расспрашивать меня о докторе Уортингтоне.

– Я его еще не видел, – сказал я, – но говорит он, как высокоученый английский профессор. Ну да он скоро будет здесь.

Через полчаса вошла моя секретарша с его визитной карточкой. Я встал ему навстречу и увидел высокого плотного мужчину с благообразным умным лицом. Одет он был несколько старомодно в дорогой костюм изысканного покроя и держал в руках перчатки, трость и большой портфель. И при всем этом был черным, как чертежная тушь!

Я попытался скрыть удивление, и надеюсь, мне это удалось: меня просто в дрожь бросает от мысли, что я мог допустить подобную промашку. Почему бы ему и не быть негром? Просто я этого не ожидал.

Меня выручил Джедсон. По-моему, он не выказал бы удивления, если бы яичница-глазунья ему подмигнула. Он взял на себя разговор в первые минуты, едва я их познакомил. Мы сдвинули стулья, сели и некоторое время обменивались вежливыми, ничего не значащими фразами, к которым прибегают люди, пока оценивают новых знакомых.

Первым о деле заговорил Уортингтон.

– Миссис Дженнингс, – сказал он, – дала мне основания полагать, что каким-то образом я могу оказаться полезным вам обоим или же одному из вас...

Я подтвердил это и рассказал вкратце обо всем, что произошло после того, как ко мне явился рэкетир. Уортингтон задал несколько вопросов, и Джедсон добавил кое-какие подробности. У меня сложилось впечатление, что Уортингтону почти все уже рассказала миссис Дженнингс и он просто уточнял детали.

– Отлично, – произнес он в заключение глубоким рокошущим басом, который отдавался эхом у него в груди, прежде чем заполнить комнату. – Мне представляется, что мы найдем способ разрешить ваши трудности, но для окончательного вывода мне необходимо произвести обследование. – Он нагнулся и начал расстегивать портфель.

– Э-э... доктор, – намекнул я, – не лучше ли нам условиться до того, как вы приступили к работе?

– Условиться? – Он посмотрел на меня с недоумением, но тут же добродушно улыбнулся. – Вы имеете в виду оплату? Любезный сэр, оказать услугу миссис Дженнингс – большая честь.

– Но... однако... послушайте, доктор. Мне так было бы легче. Уверяю вас, я привык оплачивать чары...

Он поднял ладонь:

– Мой юный друг, об этом не может быть и речи. По двум причинам. Во-первых, у меня нет права практиковать в вашем штате, а во-вторых, я не чародей.

Думаю, вид у меня был такой же идиотский, как мои слова.

– Что? А-а! Извините меня, доктор, но я, естественно, предположил... Раз нас познакомила миссис Дженнингс... ну и ваше звание... и вообще...

Он продолжал улыбаться, но улыбка была сочувственной, а не насмешливой. Мое смущение не показалось ему забавным.

– Вполне естественно. В эту ошибку впадали и некоторые ваши сограждане моей крови. Нет, я имею степень почетного доктора правоведения Кембриджского университета. Предмет, которому я себя посвятил, – антропология, которую я иногда преподаю в университете в Южной Африке. Но антропология включает кое-какие неортодоксальные разделы. И я здесь для того, чтобы применить знания подобного рода.

– В таком случае могу ли я спросить...

– Безусловно, сэр. Мое призвание, если вольно перевести этот неудобопроизносимый термин, именуется «вынюхиватель колдунов».

Я все еще недоумевал:

– Но разве это занятие не требует применения магии?

– И да и нет. В Африке иерархия и категории, связанные с данной областью, совсем иные, чем на вашем континенте. Я не считаюсь ни чародеем, ни колдуном – скорее, как бы противоядием от них.

Джедсона что-то смущало.

– Доктор, – спросил он, – но родом вы ведь не из Южной Африки?

Уортингтон указал на свое лицо. Джедсону, в отличие от меня, это о чем-то, видимо, сказалось.

– Ваш вывод верен. Да, я родился в лесном племени к югу от Нижнего Конго.

– Вот как! Интересно. Вы, случайно, не нганга?

– Из Ндембо, но отнюдь не случайно. – Он обернулся ко мне и вежливо пояснил: – Ваш друг спросил, не состою ли я в оккультном братстве, которое охватывает всю Африку, но ядро его составляют мои земляки. Прошедшие инициацию называются нганга.

Джедсон этим не удовлетворился:

– Думается, доктор, фамилией Уортингтон вы пользуетесь удобства ради, а настоящее ваше имя – совсем другое.

– И опять-таки вы правы. Мое племенное имя... Вы хотите его узнать?

– Если вы будете так любезны.

– Оно... – (Я не способен воспроизвести на бумаге прищелкивающее чмоканье, которое он испустил.) – Но поскольку важен смысл, то в переводе оно означает Человек-Который-Задаст-Неудобные-Вопросы. Или, если вольно передать дух, а не букву, оно равнозначно значению слова «прокурор», указывая на племенную функцию. Но мне кажется, – продолжал он с обезоруживающей мягкой улыбкой, – вам оно подходит даже больше, чем мне. Могу ли я подарить его вам?

И тут произошло нечто абсолютно мне непонятное, коренящееся, видимо, в каком-то африканском обычае, глубоко чуждом нашему мышлению. Я хотел было засмеяться шутке доктора, не сомневаясь, что он сострил, как вдруг Джедсон ответил с полной серьезностью:

– Принять его – для меня великая честь.

– Это ты оказываешь мне честь, брат мой.

С этого момента, когда бы мы ни находились в обществе доктора Уортингтона, тот неизменно называл Джедсона африканским именем, которое, по его словам, принадлежало ему самому, а Джедсон называл его Ройс или «брат мой». Отношение их друг к другу также изменилось, словно передача имени действительно превратила их в братьев со всеми привилегиями и обязательствами, которые подразумевает такое родство.

– Но ведь я не лишил вас имени, – сказал тогда Джедсон. – У вас есть и третье имя, настоящее?

– Разумеется, – ответил Уортингтон, – но упоминать его надобности нет.

– Естественно! – отозвался Джедсон. – Неназываемое имя. Так приступим?

– Да, конечно. – Уортингтон повернулся ко мне. – Найдется ли у вас помещение, где я мог бы подготовиться? Достаточно самого небольшого.

– Тут вам будет удобно? – спросил я, открывая дверь умывальной, примыкавшей к моему кабинету.

– Вполне, благодарю вас, – ответил он, забрал портфель и закрыл за собой дверь. Пробыл он там не меньше десяти минут.

Джедсон не был расположен к разговорам. Он только посоветовал мне предупредить секретаршу, чтобы она никого к нам не впускала и не входила сама. Мы просто сидели и ждали.

Наконец доктор Уортингтон вышел из умывальной, и я второй раз за день был ошарашен. Культурнейший доктор Уортингтон исчез. Перед нами стоял босой черный африканец ростом шесть с лишним футов. Могучая грудь колесом бугрилась мышцами под черной кожей, глянцевою, как обсидиан. Его чресла опоясывала шкура леопарда, с пояса свисал кошель, а в руках он держал какие-то инструменты.

Однако мое внимание приковали не они, не фигура воина-атлета, но его лицо. Брови он покрасил белой краской, белая черта надо лбом следовала линии волос, но их я заметил мимоходом. Главным было выражение – мрачное, беспощадное, исполненное достоинства и силы, которых не передать никакими словами. Глаза свидетельствовали о великой мудрости, но в них не было сострадания – только суровая справедливость, с какой мне бы столкнуться не хотелось.

Мы, белые в нашей стране, склонны недооценивать черных – во всяком случае, я склонен, – потому что видим их вне их культурного наследия. У тех, кого мы знаем, оно было отнято десятком поколений назад, заменено насильственно навязанной псевдокультурой. Мы забываем, что у черных была собственная культура, более древняя, чем наша, с более стойкой основой, так как опиралась она на человеческие способности и силу духа, а не на дешевые фокусы механических игрушек. Но это суровая культура без сентиментальной озабоченности судьбой слабых и неприспособленных, и она никогда полностью не исчезает.

Я невольно принял почтительную позу.

– Так приступим, – сказал доктор Уортингтон обычным голосом и присел на корточки, растопыривая крупные пальцы ног. Из кошель он достал собачий хвост, какой-то сморщенный черный ком величиной с мужской кулак и еще несколько предметов непонятного назначения. Хвост он прицепил у пояса сзади, так что он повис у него между ног. Затем взял что-то завязанное в красный шелковый платок. – Вы не откроете сейф? – попросил он меня.

Я открыл стальную дверцу и посторонился. Доктор сунул сверток внутрь, лязгнув дверцей и покрутил ручку. Я вопросительно взглянул на Джедсона.

– У него... ну... в этом свертке его душа, так он поместил ее под защиту холодного железа. Он ведь не знает, с какими опасностями столкнется, – шепнул мне Джедсон. – Видишь?

Я поглядел и увидел, что Уортингтон тщательно провел большим пальцем по краям дверцы там, где она смыкалась с сейфом. Затем он вернулся на середину комнаты, взял сморщенный черный ком и нежно его погладил.

– Это отец моей матери, – объявил он, и, взглядевшись, я убедился, что он держит мумифицированную человеческую голову, у которой на затылке сохранились прядки волос. – Он очень мудр, – невозмутимо добавил доктор, – и мне потребуются его советы. Дедушка, это твой новый сын и его друг. – (Джедсон поклонился, и я поймал себя на том, что тоже кланяюсь.) – Им нужна наша помощь.

Он заговорил с головой на своем языке, время от времени умолкая и как бы слушая, а потом отвечая. Между ними затем словно бы вспыхнул спор, но, вероятно, они пришли к согласию, так как доктор понизил голос. Через минуту он умолк и обвел взглядом комнату. Глаза его остановились на полочке для вентилятора довольно высоко от пола.

– Превосходно! – сказал он. – Дедушке нужен наблюдательный пункт, чтобы следить за происходящим. – И он бережно водрузил сморщенную голову на полку лицом к комнате.

Вернувшись на середину, он опустился на четвереньки и начал водить носом из стороны в сторону, как охотничий пес, отыскивающий след. Он кружил, нюхал, поскуливал, точь-в-точь как вожак своры, сбитый с толку обилием следов. Прикрепленный к поясу хвост задрался и помахивал, как у настоящей собаки. Настолько все его движения походили на движения гончей, что я даже заморгал, когда он внезапно сел по-человечески и объявил:

– Впервые сталкиваюсь с сочетанием стольких чар в одном месте! Чары миссис Дженнингс и ваши коммерческие я опознал легко. Но, исключив их, воздух я практически не очистил. Здесь у вас разве что заклинания дождя не было и еще шабаша!

Не дожидаясь нашего ответа, он вновь преобразился в гончую и начал описывать более широкие круги. Почти сразу он будто наткнулся на непреодолимое препятствие, замер, поглядел на голову и энергично заскулил. После чего застыл в ожидании.

Ответ, видимо, его удовлетворил. Громко твякнув, он выдвинул нижний ящик картотеки – неуклюже, словно лапами, а не руками. Торопливо порывшись в нем, он живо извлек что-то из самой глубины и бросил в кошель.

После чего несколько раз бодро обежал помещение, обнюхивая все уголки. А когда закончил, вернулся на середину комнаты, снова сел на корточки и сказал:

– Ну, пока здесь чисто. В этом месте сфокусированы все покушения, а потому дедушка согласился остаться тут и постеречь вас, в то время как я опояшу вашу недвижимость веревкой, чтобы для чародеев ход сюда был закрыт.

Мне стало не по себе. Уж конечно, голова напугает мою секретаршу до полусмерти, чуть та ее увидит! Я намекнул на это как мог деликатнее.

– Ну так как? – осведомился он у головы дедушки, выслушал ответ и обернулся ко мне. – Все в порядке, дедушка говорит, что будет показываться только тем, кого ему представили.

(Так оно и вышло. Головы никто не заметил, даже уборщица!)

– А теперь, – продолжал он, – я хочу как можно скорее обследовать контору моего брата, а также обнюхать ваши жилища и застраховать их от нежелательных вторжений. А пока оба вы примите к сведению следующее: ни в коем случае не допускайте, чтобы что-то ваше личное могло попасть в чужие руки – обрезки ногтей, сбритые волосы, слюна. Следите за этим строжайшим образом. Уничтожайте их либо в огне, либо погрузив в проточную воду. Это значительно облегчит нашу задачу. У меня все.

Он встал, быстро вошел в умывальную, а десять минут спустя благообразный, утонченно образованный доктор Уортингтон уже сидел с нами, покуривая сигарету. Мне пришлось покопаться на голову его дедушки, так как меня уже одолевали сомнения, не пригрезился ли мне этот владыка африканских дебрей.

После чистки, произведенной доктором Уортингтоном, несчастные случаи прекратились, а на меня посыпались заказы. Я уже подсчитывал квартальную прибыль, и ко мне верну-

лась бодрость. Дитворт прислал мне исковое письмо, настаивая на дутой претензии Бидла, но я бросил его в мусорную корзину не моргнув глазом.

Как-то в полдень в магазин явился Фельдштейн, чародейный агент.

– Привет, Зак! – приветствовал я его весело. – Как делишки?

– Мистер Фрэйзер, чтобы из всех вопросов вы мне задали этот! – сказал он, скорбно покачивая головой. – Дела хуже некуда.

– Как так? – спросил я. – Всюду вокруг заметен подъем деловой активности...

– Внешность обманчива, – перебил он, – особенно в моем занятии. Скажите, вы что-нибудь слышали о корпорации «Магия», как они себя называют?

– Странное совпадение, – ответил я. – Услышал только что и впервые. Сейчас получил по почте. – И я протянул ему невскрытый конверт с обратным адресом: «Магия, инкорпорейтед», 700, Дом Содружества.

Фельдштейн взял его кончиками пальцев, словно боясь обжечься, и прочел надпись на конверте.

– Они самые, – подтвердил он. – Разбойники с большой дороги!

– Да что такое, Зак?

– Они не желают, чтобы человек честно зарабатывал свой кусок хлеба... Мистер Фрэйзер, – с тревогой перебил он себя, – вы же не подложите свинью старому другу, который вас никогда не подводил?

– Конечно нет, Зак. Но в чем все-таки дело?

– А вы прочтите! Читайте, читайте! – Он сунул мне конверт.

Я вскрыл его. Прекрасная бумага с водяными знаками, а шапка выполнена строго и со вкусом. Я скользнул взглядом по списку внушительного правления и был приятно удивлен калибром людей, занимавших директорские и административные посты, – все очень известные, кроме парочки администраторов, чьи фамилии мне ничего не сказали.

Само письмо было чисто рекламным проспектом, но идея выглядела новой. Так сказать, холдинговая компания чародеев. Они гарантировали магические услуги любого рода. Клиент без всяких хлопот звонит по указанному номеру, излагает свои требования, а компания обеспечивает выполнение заказа и присылает ему счет. Выглядело все достаточно привлекательно – объединенное агентство, и не более того.

Я скользнул взглядом по строчкам: «...гарантированное обслуживание, обеспечиваемое всеми возможностями ответственной компании...», «на редкость низкие, твердо установленные гонорары благодаря централизованному управлению и экономии на комиссионных, выплачиваемых агентам...», «благожелательные отзывы ведущих представителей великой профессии позволят нам смело предсказать, что „Магия, инкорпорейтед“ станет надежным источником компетентного чародейства любого вида и даже, скорее всего, единственным источником подлинной первоклассной магии...».

Я бросил письмо на стол.

– Стоит ли волноваться, Зак? Подумаешь, еще одно агентство. Ну а их заявления... Разве ты не говоришь, что обеспечиваешь услуги только самых лучших? Но ведь ты не ждешь, что тебе поверят?

– Нет, – признал он, – то есть отчасти, между нами говоря. Но это-то по-настоящему серьезно, мистер Фрэйзер. Они сманили моих действительно первоклассных ребят оплатой и премиями, которые мне не по карману. А теперь они предлагают чародейство всем, кто пожелает, по расценкам, которые оставят без работы остальных. Я разорен, говорю же вам!

Да, невесело. Фельдштейн был приятным человечком, который старался, правда, выжимать побольше центов ради жены и пяти черноглазых ребятшек, на которых надышаться не мог. Но я не сомневался, что он утрирует; у него была склонность к мелодраме.

– Не беспокойся, – сказал я. – Можешь на меня твердо рассчитывать, да и на большинство других своих клиентов тоже. Эти молодцы всех чародеев к рукам не приберут – те слишком независимы. Погляди на Дитворта. Он вылез со своей ассоциацией. И что у него вышло?

– Дитворт... а-ах! – Он хотел сплунуть, но вовремя вспомнил, что находится в моем кабинете. – Так эта же компания – он. Дитворт!

– Откуда ты взял? В списке он не значится.

– Навел справки. Вы думаете, у него ничего не вышло, раз вы дали ему по рукам? Они устроили совещание директоров ассоциации – а это Дитворт и две его секретарши – и проголосовали за передачу контрактов новой корпорации. Дитворт якобы уходит, некоммерческую ассоциацию возглавляет его подручный, и Дитворт управляет обеими компаниями. Вот увидите! Если бы мы могли увидеть документы «Магии», так вы бы убедились, что контрольный пакет у него. Это уж точно!

– Не думаю, – сказал я медленно.

– Вот увидите! Дитворт, с его сладкими разговорчиками о бескорыстном служении и высокой требовательности, не должен был бы связываться с «Магией», верно? А вы позвоните туда и спросите его!

Вместо ответа я набрал номер, указанный на фирменном бланке.

Девичий голос произнес:

– Доброе утро. «Магия, инкорпорейтед».

– Будьте добры, соедините меня с мистером Дитвортом.

Она довольно долго мялась, а потом сказала:

– Кто его спрашивает?

Тут замялся я. Говорить с Дитвортом я не хотел, мне просто надо было установить факт. В конце концов я ответил:

– Передайте ему, что звонят из приемной доктора Бидла.

На этот раз она ответила сразу, но с легким недоумением в голосе:

– Но мистер Дитворт сейчас не у себя, он должен был быть у доктора Бидла полчаса назад. Он не приехал?

– А! – отозвался я. – Возможно, он у шефа, а я просто не видел, как он вошел. Извините! – И я положил трубку.

– Выходит, ты прав, – признал я, обращившись к Фельдштейну.

Но он был так расстроен, что совсем не обрадовался своей правоте.

– Послушайте, – сказал он, – может, закусим вместе и все обсудим?

– Я собирался в Торговую палату на званный завтрак. Ты тоже член палаты, так поехали вместе и поговорим по дороге.

– Ладно. – Он скорбно вздохнул. – Наверное, скоро мне это будет не по карману.

Мы опоздали, и двух мест рядом за столом для нас не нашлось. Казначей сунул мне под нос кружку для штрафов и «закрутил ей хвост», требуя с меня десять центов за опоздание. Кружкой служила простая сковородка с велосипедным звонком на ручке. За все провинности мы уплачиваем штрафы, что пополняет общественный фонд и служит источником безобидных шуток. Казначей подставляет сковородку и давит на звонок, пока провинившийся не выложит десять центов.

Я торопливо вытащил десятицентовик и опустил его на сковородку, а Стив Хэррис, владелец автомобильного агентства, завопил:

– Правильно! Пусть-ка шотландский скупердяй раскошелится! – и бросил в меня булочкой.

– Десять центов за нарушение тишины и порядка! – объявил Норман Сомерс, наш председатель, даже не повернув головы. Казначей встал перед Стивом, и я услышал звяканье монеты, а затем снова раздалось дребезжание звонка. – Что там еще? – спросил Сомерс.

– Стив опять за свое, – устало сообщил казначей. – На этот раз магическое золото.

Стив бросил на сковородку синтезированную монетку, которую сотворил для него какой-нибудь знакомый чародей. При соприкосновении с холодным железом она, естественно, улетучилась.

– Еще двадцать центов за попытку всучить фальшивые деньги, – постановил Норман. – Наденьте на него наручники и позвоните в прокуратуру.

Стив – завзятый любитель розыгрышей, но с Норманом его номера не проходят.

– Можно мне хоть завтрак доесть? – Стив ну просто изнывал от жалости к себе.

Норман промолчал, и Стив уплатил все штрафы.

– Веселись, Стив, пока можешь! – посоветовал Эл Донахью, владелец закусочных для автомобилистов. – Вот заключишь контракт с «Магией» и больше розыгрыши с чарами устраивать не будешь.

Я наострил уши.

– Кто сказал, что я стану с ними связываться?

– Никуда ты не денешься.

– Да зачем мне?

– Зачем? Потому что это прогрессивное начинание. Возьми хоть меня. Я предлагаю разнообразнейшие исчезающие десерты во всех моих ресторанах. Можешь съесть разом хоть три, и не переешь, и не прибавишь в весе ни унции. Так вот, я на них терял деньги, но шел на это ради рекламы и привлечения женской клиентуры. И вот «Магия, инкорпорейтед» предлагает мне то же самое, но за такую цену, что мои десерты начинают приносить прибыль. Естественно, я подписал с ней контракт.

– Естественно. А что, если они повысят цены, когда наймут или выгонят из города всех компетентных чародеев?

Донахью засмеялся самодовольным противным смехом:

– У меня есть контракт.

– Вот как? На какой срок? А пункт о расторжении ты прочел?

В отличие от Донахью, я его прекрасно понял. Такое я испытал на себе. Лет пять назад в город пришла фирма, торгующая портландцементом, которая начала перекупать мелких дилеров и демпинговать против остальных. Продавали шестидесяцентовый мешок за тридцать пять центов и разорили оставшихся конкурентов, а затем плавно подняли цену до доллара двадцати пяти центов за мешок. Никто и охнуть не успел.

Но тут мы все замолчали, потому что встал почетный гость, старик Б. Дж. Тимкен, крупнейший подрядчик. Он произнес речь о «сотрудничестве и служении». Оратор он не ахти какой, но очень неплохо говорил о том, как бизнесмены могут служить обществу и помогать друг другу. Мне даже понравилось.

Когда аплодисменты стихли, Норман Сомерс поблагодарил Б. Дж. и сказал:

– На сегодня все, господа, если только кто-то не хочет представить новый вопрос на обсуждение...

Встал Джедсон. Я сидел спиной к нему и только тут увидел, что он здесь.

– Мне кажется, господин председатель, – заявил он, – такой вопрос есть, и крайне важный. Прошу разрешения на несколько минут, чтобы обсудить его неофициально.

– Пожалуйста, Джо, – ответил Сомерс. – Если это так важно.

– Спасибо. На мой взгляд – очень. Собственно, это продолжение того, о чем раньше спорили Эл Донахью и Стив Хэррис. Я считаю, что в нашем городе назревают значительные перемены в деловой обстановке прямо у нас под носом, а мы закрываем на них глаза, если

только они нас прямо не затрагивают. Я говорю о коммерческой магии. Кто из вас пользуется чародейством в производственных целях? Поднимите руки.

Руки подняли все, за исключением двух адвокатов. Но я всегда подозревал, что они сами чародеи.

– Ладно, – сказал Джедсон. – Мы все им пользуемся. Я использую чары в производстве тканей. Хэнк Мэннинг чистит и гладит только с их помощью, а возможно, и красит тоже. В «Кленовой мастерской» Уолли Хейта чары собирают и отделывают дорогую мебель. Стен Робертсон скажет вам, что великолепное оформление витрин «Бонмарше» создается чарами, как и две трети его товаров, а в секции детских игрушек и того больше. А теперь я задам вам еще один вопрос: часто ли процент ваших расходов на магию превышает прибыль? Подумайте, прежде чем ответить. – Он немного выждал. – Ну ладно, поднимите руки!

Рук поднялось почти столько же, что и раньше.

– В этом суть дела. Без чар нам не выстоять. И если в нашем городе кто-то приберет чародейство к рукам, мы все окажемся в их власти. Нам придется платить столько, сколько с нас запросят, назначать цены, какие нам укажут, и довольствоваться той прибылью, какую нам оставят, или лишаться своего дела!..

– Подожди, Джо, – перебил председатель. – Пусть все, что ты сказал, правда – а так оно и есть! – но какие основания у тебя считать, что нас подстерегает подобная опасность?

– Самые веские, – ответил Джо негромко и очень серьезно. – По отдельности они таковы не выглядят, но в совокупности убеждают меня, что кто-то тайком старается прибрать к рукам весь бизнес нашего города. – И Джедсон коротко изложил историю того, как Дитворт затеял организовать чародеев и их клиентов в ассоциацию, якобы для поднятия престижа профессии, и как рядом с некоммерческой ассоциацией внезапно возникла акционерная корпорация, уже почти монопольная.

– Секундочку, Джо, – вмешался Эд Пармели, владелец фирмы мелких услуг. – По-моему, эта ассоциация – прекрасная штука. Меня попробовал запугать какой-то подонок – чтобы я поручил ему находить для меня чародеев. А я обратился в ассоциацию, и они обо всем позаботились. Больше мне тревожиться не пришлось. На мой взгляд, организация, способная укротить рэкетиров, именно то, что нам требуется.

– Но ведь вам пришлось подписать контракт с ассоциацией, чтобы заручиться ее помощью, так?

– Ну да. Но ведь это вполне нормально...

– А не этого ли добивался ваш рэкетир?

– Так до чего угодно договориться можно!

– Я вовсе не настаиваю именно на этом объяснении, – не отступал Джо, – но ничего невозможного тут нет. И не в первый раз монополисты прибегли к помощи хулиганья, чтобы левой рукой насилием получить то, в чем их правой руке было отказано. А еще кому-нибудь здесь пришлось столкнуться с подобным?

Выяснилось, что да, и не одному. И я заметил, что многих это заставило задуматься.

Один из адвокатов задал вопрос официально – через председателя:

– Господин председатель, если на минуту перейти от ассоциации к «Магии, инкорпорейтед»: не профессиональный ли это союз чародеев? В таком случае у них есть законное право объединяться.

Норман обернулся к Джедсону:

– Ты ответишь, Джо?

– Безусловно. Это никакой не профсоюз. Ситуация примерно такая же, когда все плотники в городе работают на одного подрядчика. И вы либо договариваетесь с подрядчиком, либо не строите.

– В таком случае это чистая монополия... если все обстоит именно так. В нашем штате действует малый акт Шермана, и можно обратиться в суд.

– Думаю, вы убедитесь, что это монополия. Кто-нибудь заметил, что ни один из чародеев сегодня здесь не присутствует?

Мы все посмотрели по сторонам. Джо оказался прав.

– Не сомневаюсь, – добавил он, – что с этих пор представлять чародеев на заседаниях палаты будет администратор «Магии». Касательно возможности обратиться в суд... – Он вытащил из кармана газету. – Кто-нибудь из вас обратил внимание, что губернатор назначил внеочередную сессию законодательного собрания?

Эл Донахью презрительно заметил, что у него нет времени на политические игры: надо заниматься делом. Это была шпилька в адрес Джо. Все знали, что он член разных комиссий и много времени тратит на общественные проблемы. Как видно, Джо это задело, потому что он сказал с сожалением:

– Эл, твое счастье, что кто-то из нас готов тратить время на то, чтобы присматривать за затеями правительства, иначе в один прекрасный день ты проснешься и узнаешь, что и на тротуар перед твоим домом они наложили лапу.

Председатель предупреждающе постучал молотком, и Джо извинился. Донахью буркнул, что политика – одна грязь и всякий, кто с ней связывается, сам становится мошенником. Я потянулся за пепельницей и опрокинул бокал с водой на колени Донахью. Это его отвлекло, а Джо продолжал:

– Конечно, мы знаем, что для созыва внеочередной сессии есть несколько причин, но вчера вечером они опубликовали повестку, и почти в самом конце я отыскал пункт: «Урегулирование чародейства». Стоило ли поднимать такой вопрос на внеочередной сессии, если что-то не назрело? Я тут же позвонил моей знакомой в законодательном собрании – мы с ней заседаем в одной комиссии. Она ничего об этом не знала, но позднее перезвонила мне. И вот что ей удалось выяснить: пункт вставили в повестку по просьбе кого-то из финансировавших избирательную кампанию губернатора – а самого его этот вопрос не интересует. Никто словно понятия не имеет, о чем, собственно, речь, однако законопроект уже представлен...

Тут кто-то перебил Джо вопросом о сути законопроекта.

– Я о том и говорю, – терпеливо продолжал Джо. – Законопроект был представлен только заголовком, и содержание его мы узнаем не раньше, чем он поступит на рассмотрение. А заголовок такой: «Законопроект для установления профессиональных требований к чародеям, регулирования практического чародейства, учреждения комиссии для проверки, лицензирования и контроля...» Ну и так далее. Как видите, это даже не название, а перечень, под который можно подвести любые законы, касающиеся чародейства, в том числе и отмену антимонопольных ограничений, если им это понадобится.

Наступило молчание. Полагаю, все мы пытались как-то разобраться в предмете, о котором, в сущности, понятия не имели, – в политике. Потом кто-то спросил:

– Так что нам, по-вашему, делать?

– Ну, – ответил Джо, – нам хотя бы следует заручиться собственным представителем в законодательном собрании, который охранял бы наши интересы в сомнительных ситуациях. Еще мы должны хотя бы подготовить собственный законопроект, чтобы представить его, если в этом обнаружатся какие-то подвохи, и добиться наиболее выгодного компромисса. И внести поправку, которая придала бы реальную силу нынешнему антитрестовскому закону, хотя бы касательно чародейства. – Он ухмыльнулся. – Если не ошибаюсь, уже четыре «хотя бы».

– Но почему Торговая палата штата не может сделать этого за нас? При ней же есть бюро по вопросам законодательства.

– Да, конечно, у них есть лобби, но вы прекрасно знаете, что Торговая палата штата не слишком жалует нас, мелких предпринимателей. Положиться на нее нельзя. Возможно даже, нам придется дать бой и ей.

Джо сел, и начался хаос. У каждого обнаружили свои соображения, как и что следует предпринять, и все пытались излагать их одновременно. Вскоре стало ясно, что на общее согласие рассчитывать нечего, и Сомерс закрыл заседание, предложив остаться тем, кто хочет выбрать представителя в законодательное собрание. Ушли несколько твердолобых вроде Донахью, а остальные вновь начали совещаться под председательством того же Сомерса. Послать постановили Джедсона, и он согласился.

Встал Фельдштейн и произнес речь со слезами на глазах. Он путался, нес невнятицу, но в конце концов выдал из себя, что Джедсону, чтобы чего-то добиться там, нужна порядочная сумма денег и что надо возместить ему расходы и потерю времени. И он удивил нас всех: вытащил пачку долларов, отсчитал тысячу и положил перед Джо.

Такое доказательство искренности привело к тому, что его тут же по общему согласию выбрали казначеем, и сбор средств прошел весьма недурно. Я подавил свои природные склонности и дал столько же, сколько Фельдштейн, хотя и предпочел бы, чтобы он проявил разумную сдержанность. По-моему, позже и сам Фельдштейн слегка раскаялся, так как посоветовал Джо соблюдать экономию и не швырять доллары на выпивку для этих «прохиндеев в законодательном собрании».

Джедсон покачал головой и сказал, что оплачивать свои расходы будет сам, а собранные средства намерен тратить по собственному усмотрению, в основном для поддержания дружеских контактов. Он добавил, что у нас просто нет времени полагаться только на здравый смысл и бескорыстный патриотизм и что у этих олухов чаще всего собственного мнения нет вовсе – не больше, чем у флюгера, и они голосуют за того, с кем пили в последний раз.

Кто-то с возмущением отозвался о подкупах.

– Подкупать я никого не собираюсь, – ответил Джо с досадой. – Если дело дойдет до взяток, считайте, что мы уже проиграли. Я просто молю Бога, что там найдется еще достаточно незавербованных представителей, чтобы было кого улачивать или запугивать в разумной мере.

Он настоял на своем, но про себя я согласился с Фельдштейном. И положил себе впредь обращать больше внимания на политику. Я даже не знал фамилии своего депутата! А уж тем более – порядочный он человек или просто дешевый оппортунист.

Вот почему Джедсон, Боди и я отправились вместе в столицу штата.

Боди поехал потому, что Джедсон нуждался в первоклассном чародее на роль ищейки. Неизвестно, что нас ждет, сказал он. А я поехал, потому что мне так хотелось. В столице штата прежде бывал только проездом, и мне было интересно понаблюдать, как варганятся законы.

Джедсон направился прямо в канцелярию секретаря по внутренним делам зарегистрироваться к качеству лоббиста, а мы с Джеком поехали с багажом в отель «Конституция» и сняли номера. Миссис Логан, приятельница Джо в комиссии, заглянула к нам еще до его возвращения.

В поезде Джедсон много рассказывал нам о Салли Логан. По его словам выходило, что в ней хитрость Макиавелли сочетается с благородством и честью Оливера Уэнделла Холмса. Меня удивила его восторженность: слишком уж часто он ругал на все корки баб, лезущих в политику.

– Арчи, ты не понимаешь, – назидательно сказал он. – Салли – не женщина-политик, а просто политик и не требует никаких привилегий потому лишь, что родилась женщиной. Она способна нанести удар и дать сдачи самому матерому интригану в собрании. Все, что я говорил о женщинах в политике, – святая истина как обобщение, но к конкретным женщинам никакого отношения не имеет.

– Видишь ли, – продолжал он, – большинство женщин в Соединенных Штатах страдают близоруким крестьянским индивидуализмом – плодом романтической традиции, созданной мужчинами в прошлом веке. Им внушали, что они высшие создания, куда ближе к ангелам, чем их отцы, мужья и братья. Их не поощряли мыслить, не учили брать на себя бремя социальной ответственности. Требуется большой ум и воля, чтобы преодолеть такого рода обработку, и большинству такая задача не по зубам, будь они хоть женщины, хоть мужчины.

В результате как избирательницы они склонны клевать на романтическую чепуху. Выманивать их голос лестью даже легче, чем обработать мужчину. В политике их упоение собственной добродетелью в сочетании с, по сути, крестьянской психологией порождает такое подлое мелочное надувательство, от которого босс Твид перевернулся бы в гробу.

Но Салли совсем другая. Ум у нее здоровый, и дешевыми эффектами ее не заморочить.

– Ты, случайно, в нее не влюблен?

– Кто? Я? Салли замужем, очень счастлива и мать двух детей, симпатичнее которых я не видел.

– А кто ее муж?

– Юрист. Один из помощников губернатора. Салли занялась политикой после того, как ей пришлось заменить мужа во время одной избирательной кампании.

– А ее официальное положение?

– Никакого. Она правая рука губернатора, и в этом ее сила. Никакого поста Салли никогда не занимала и денег за свою работу не получала.

После таких рекомендаций мне не терпелось познакомиться с этой идеальной дамой. Когда она позвонила, мы поговорили по внутреннему телефону, и я уже хотел сказать, что спущусь в вестибюль, но она заявила, что сейчас поднимется, и положила трубку. Меня несколько ошеломила такая фамильярность, если не выразиться сильнее, так как я еще не понял, что номер в отеле для политиков – не спальня, а место деловых совещаний.

Не успел я открыть дверь, как она сказала:

– Вы ведь Арчи Фрэзер, верно? Я Салли Логан. А где Джо?

– Он вернется с минуты на минуту. Вы не подождете? Садитесь, пожалуйста.

– Спасибо.

Она шмякнулась в кресло, сняла шляпу и тряхнула волосами. Я поглядел на нее.

Бессознательно я ожидал чего-то внушительного – дородную матрону с мужскими ухватками. А увидел молодую пухленькую задорную блондинку с непослушной гривой золотых волос и честными голубыми глазами. Она просто излучала женственность. Ей нельзя было дать и тридцати, но что-то в ней внушало неколебимое доверие.

Мне вспомнились сельские ярмарки, вкус колодезной воды и сахарных лепешек.

– Боюсь, тут можно обломать зубы, – начала она без обиняков. – Я такого не ожидала, но кто-то сколотил внушительный блок для законопроекта номер двадцать два. О нем я и телеграфировала Джо. Что вы, ребята, решили? Попытаетесь покончить с ними напрямую или предложите свой законопроект?

– Джедсон подготовил закон о квалифицированной практике с помощью кое-каких наших друзей из Полумира и парочки юристов. Хотите взглянуть?

– Будьте так добры. Я зашла в типографию и взяла несколько экземпляров законопроекта, против которого вы намерены выступать, – АБ – двадцать два. Обменяемся!

Я бился над переводом загадочного языка, которым пользуются юристы, творя законы, но без особого успеха. Вошел Джедсон, молча погладил Салли по щеке, а она пожала ему руку, продолжая читать. Он пристроился у меня за плечом, но тут я сдался и отдал брошюрку ему. По сравнению с ней технические характеристики будущего здания читаются как роман.

– Что ты об этом думаешь, Джо? – спросила Салли.

– Хуже, чем я предполагал, – ответил он. – Возьми раздел седьмой...

– Я в него еще не заглядывала.

– А? Ну, во-первых, ассоциация признается полуофициальной организацией, вроде коллегии адвокатов или приходского фонда, и получает право подавать жалобы комиссии. Иными словами, каждому чародею нужно поскорее вступить в дитвортскую ассоциацию и ни в чем не перечить ей.

– Но разве это законно? – спросил я. – На мой взгляд, тут прямое нарушение конституции. Чтобы частная ассоциация...

– Прецедентов полно, сынок! Например, Корпорация по содействию всемирным ярмаркам. Их признают, им даже отчисляют бюджетные средства. Ну а конституционность... Неконституционную суть этого закона еще надо доказать, что крайне трудно, хотя он именно таков.

– В любом случае комиссия обязана провести разбирательство дела каждого чародея.

– Конечно, но тут-то и зарыта собака. Комиссия обладает очень широкими правами, почти неограниченными касательно всего, что так или иначе связано с чародейством. В законопроекте полно фразочек типа «в пределах разумного и надлежащим образом», которые попросту означают полную свободу рук, причем сдерживать членов комиссии должны здравый смысл и порядочность. Вот почему я против всяких правительственных комиссий – они исключают равенство в применении закона. Им передаются законодательные права, а потому закон – это то, что они назовут законом. Военный трибунал и то лучше... В данном случае членов предусматривается девять, причем шестеро должны быть лицензированными чародеями первого класса. Вряд ли нужно указывать, что несколько неудачных назначений при создании комиссии превратят ее в связанную круговой порукой самовозобновляющуюся олигархию. Благодаря ее праву выдавать лицензии.

Салли и Джо должны были повидаться с депутатом, который, по их мнению, мог предложить на рассмотрение собрания наш законопроект, а потому они высадили меня у Капитолия. Мне захотелось послушать дебаты.

Поднимаясь по широкой величественной лестнице, я испытывал горделивое чувство. Старинное безобразное здание словно воплотило в себе твердость американского национального характера, непреклонную решимость свободных людей самим управлять своими делами. Наши нынешние трудности словно утратили всепоглощающую важность. Нет, их следовало разрешить, но лишь как очередной эпизод в долгой истории проблем самоуправления.

Подходя к огромным бронзовым дверям, я по привычке заметил еще кое-что; подрядчик, видимо, хорошо нагрел руки на этих стенах. Известковый раствор был очень и очень жидким, не более одного к шести!

Я решил побывать в нижней палате, а не в сенате, потому что, по словам Салли, заседания там проходили обычно повеселее. Когда я вошел в зал, там обсуждалась резолюция о проведении расследования случая, имевшего место в окрестностях города Сикс-Пойнтс, когда трех организаторов сельскохозяйственного профсоюза вымазали дегтем и вывалили в перьях. Салли заметила, что вопрос этот много времени не займет, поскольку те, кто внес резолюцию, на самом деле вовсе не хотят, чтобы она прошла. Однако Центральный совет по труду вынес резолюцию с требованием расследования, и депутатам от рабочих избирательных округов пришлось настоять на ее рассмотрении.

Причина, по которой они только делали вид, будто требуют расследования, была проста: вышеупомянутые организаторы были не людьми, а корешками мандрагоры, чего совет штата не знал, когда поставил вопрос о расследовании. Поскольку превращение корешков мандрагоры в человекоподобные существа требует наичернейшей черной магии и в высшей степени противозаконно, необходимо было отыскать способ спустить все на тормозах. Рабочие профсоюзы всегда были против такого использования мандрагов, как их называют, поскольку в результате настоящие люди – отцы семейств – теряли работу. На том же основании они выступали против синтезированных двойников и гомункулов. С другой стороны, всем известно, что

профсоюзы не прочь использовать мандраков и двойников для собственных целей: для пикетирования, оказывания давления и тому подобного. Полагаю, они чувствуют себя вправе вышибать клин клином. Гомункулы им не годятся – слишком малы, чтобы их можно было выдать за взрослых мужчин.

Не предупреди меня Салли, я бы ничего не понял в происходящем. Все рабочие депутаты по очереди вставали и непреклонно требовали вынести резолюцию о расследовании. Затем кто-то внес предложение отложить рассмотрение вопроса до следующего заседания большого жюри указанного округа. За это предложение проголосовали без обсуждения и переклички, причем, хотя присутствовали почти только выступавшие в пользу первой резолюции, вторая была принята практически единогласно.

В повестке значились обычные предложения нефтяной промышленности, о каких читал в газетах всякий раз, когда заседает законодательное собрание. Именно таким был следующий вопрос – губернатору предлагалось заключить соглашение с гномами, чтобы они содействовали в проведении разведки новых нефтяных месторождений, а также рекомендовали людям методы бурения, позволяющие поддерживать давление природного газа в недрах, чтобы нефть поднималась на поверхность. Так я понял, но я не специалист.

Первым выступил инициатор проекта.

– Господин спикер, – сказал он, – прошу проголосовать за этот законопроект под номером АБ – семьдесят девять. Цель его проста, а выгоды очевидны. Значительная часть расходов на добычу нефти-сырца возникает из-за непредсказуемости результатов разведки и бурения. С помощью Маленького народца они могут быть сведены до семи процентов от нынешней суммы, исчисленной в долларах, так что стоимость бензина и других нефтепродуктов широкого потребления значительно снизится.

Вопрос о подземном давлении газа технически несколько более сложен, но достаточно сказать, что в округленных цифрах нужна тысяча кубических футов природного газа, чтобы поднять на поверхность один баррель нефти. Если мы обеспечим надежный контроль бурения глубоко в недрах земли, для человека недоступных, использоваться это бесценное давление будет наиболее выгодным способом.

Единственное разумное возражение против этого законопроекта сводится к вопросу, есть ли у нас возможность заключать соглашения с гномами на выгодных условиях. Я отвечаю «да», поскольку нынешняя администрация имеет прекрасные связи в Полумире. Гномы готовы приступить к переговорам, чтобы отрегулировать нынешнее хаотичное бурение вслепую, которое порой разрушает их жилища, а нередко и святилища. Они не без некоторых оснований утверждают, что все земные недра – их владения, но согласны на разумные уступки, чтобы положить конец ситуации, для них невыносимой.

Если это соглашение даст желанные плоды, а оно их даст, оно откроет путь к другим соглашениям, которые позволят нам разрабатывать все металлические и минеральные ресурсы нашего штата в условиях, весьма выгодных для нас и без вреда для гномов. Только представьте себе, как рентгеновские глаза гномов заглядывают в толщу породы и обнаруживают для вас мощную золотую жилу!

Звучало это очень заманчиво, но после моего краткого знакомства с владыкой гномов я бы не положился на его слово, разве что поручил бы переговоры миссис Дженнингс.

Едва сторонник проекта сел, как вскочил другой депутат и принялся столь же энергично его опровергать. Выглядел он старше большинства членов палаты, и я решил, что он юрист, практикующий в захолустье.

– Господин спикер! – загремел он. – Я прошу проголосовать против! Кто бы мог подумать, что американская законодательная власть падет до подобного унижающего ее вздора? – (Его произношение выдавало в нем уроженца северной части штата, расположенного вдали от нефтяных полей.) – Есть ли у вас хоть одна причина полагать, будто гномы существуют? Кто

из вас хоть раз видел гнома? Перед нами просто дешевая уловка политических интриганов, цель которой – лишить избирателей их законной доли природных богатств нашего великого штата...

Его перебили вопросом:

– Следует ли из этих утверждений, что distinguished член этого собрания от округа Линкольн не верит в чародейство? Возможно, он также не верит в радио и телефон?

– Отнюдь нет. С разрешения председательствующего я изложу свою позицию столь ясно, что даже мой distinguished оппонент сумеет ее понять. Некоторые замечательные достижения человеческого разума в своем практическом применении получили общеупотребительное название чародейства или магии. Принципы эти прекрасно изучены и преподаются, я счастлив сказать, в наших высших учебных заведениях, содержащихся на общественные средства. Я с глубочайшим уважением отношусь к дипломированным специалистам в этой области. Но, насколько я понимаю, хотя сам далек от этой замечательной науки, она вовсе не подразумевает веру в Маленький народец... О'кей, удобства ради предположим, что он существует. Основание ли это для того, чтобы от него откупаться? Должны ли граждане этого штата платить отступного обитателям дна... – он помолчал, давая время оценить свое тонкое остроумие, но оно осталось не оцененным, – за то, что принадлежит нам законно и по праву? Если этот смехотворный принцип довести до логичного завершения, фермеры и дояры, которых я с гордостью числю среди своих избирателей, должны будут платить пошлину эльфам за право доить своих коров!

Кто-то сел рядом со мной. Я повернул голову, увидел Джексона и вопросительно посмотрел на него.

– Пока ничего, – шепнул он. – Надо подождать. Ну а время можно убить и здесь. – Он отвернулся от меня и стал слушать.

Кто-то уже начал отвечать старому индюку, страдающему комплексом Дэниела Вебстера.

– Господин спикер, если distinguished член этого собрания закончил свою речь, – (я не совсем уловил, куда он выставил свою кандидатуру), – мне бы хотелось привлечь внимание присутствующих к отражению статуса стихий всех родов не только в Законе Моисея, в римском праве и английском гражданском законодательстве, но и в решении апелляционного суда штата, граничащего с нашим на юге. Я убежден, что любой человек, хотя бы элементарно знакомый с юриспруденцией, поймет, какой прецедент я имею в виду, и назову дело, только снисходя к...

– Господин спикер! Я предлагаю изъять последний эпитет...

– Уловка, чтобы получить слово, – шепнул Джексон.

– Подразумевал ли предшествующий distinguished коллега, что...

Так это и продолжалось. Я обернулся к Джексону и спросил:

– Я что-то не понимаю этого типа, который сейчас выступает. Несколько минут назад он вопил что-то о коровах. Чего он опасается? Религиозных предрассудков?

– Отчасти. Он из очень консервативного избирательного округа. Но он связан с независимыми нефтяниками. Они не хотят, чтобы условия вырабатывались штатом, и предпочитают договариваться с гномами напрямую.

– Но его-то нефть почему интересует? В его округе ею и не пахнет!

– Да, но там есть наружная реклама. Холдинговая компания, которая контролирует так называемых независимых нефтяников, владеет акциями Загородной рекламной корпорации. А это ему может очень пригодиться в предвыборной кампании.

Спикер посмотрел в нашу сторону, и один из парламентских приставов направился к нам. Мы замолчали. Кто-то потребовал соблюдать повестку дня, обсуждение нефтяного проекта было отложено, и собрание занялось одним из законопроектов о чародействе, который уже был

рассмотрен в комитетах. Закон сводился к требованию запретить все виды чародейства, магии и колдовства.

Его поддержал только предложивший, а он разразился филиппикой, очень ученой, но не слишком логичной. Он широко цитировал «Комментарии» Блэкстона, ссылаясь на массачусетские процессы над ведьмами, а в заключение откинул голову, воздел дрожащий перст к небесам и возопил:

– Ворожеи не оставляй в живых!

Никто не побеспокоился выступить с возражениями, закон тут же был поставлен на голосование и, к моему полнейшему недоумению, не получил ни единого голоса против. Я обернулся к Джедсону, и он улыбнулся выражению моего лица.

– Это ровно ничего не значит, Арчи, – произнес он вполголоса.

– Как?

– Этот депутат – пристяжная своей партии и вынужден был предложить этот закон, чтобы угодить влиятельную часть своих избирателей.

– Ты хочешь сказать, что сам он в него не верит?

– Да нет, верит. Но знает, что это безнадежно. Видимо, было договорено, что закон пройдет на этой сессии нижней палаты, чтобы ему было чем помахать перед избирателями. А закон перейдет в сенатский комитет, где и утонет. Никто о нем больше не услышит.

Вероятно, я не совладал со своим голосом, потому что спикер поглядел на нас совсем уж грозно, после того как я охнул. Мы поторопились уйти.

В коридоре я спросил Джо, почему он вернулся так быстро.

– Он отказался наотрез, – ответил Джо. – Сказал, что не хочет рисковать и настраивать ассоциацию против себя.

– Значит, с нами покончено?

– Вовсе нет. После обеда мы с Салли поговорим с другим депутатом. У него сейчас заседание комитета.

Мы отправились в ресторан, где Джедсон договорился встретиться с Салли Логан. Он заказал обед, а я попросил пару банок пива с исчезающим алкоголем – и обязательно неоткупоренных. Я люблю выпить, но не терплю даже легкого опьянения. Как-то раз я заплатил за закатное пиво, а подали мне что-то алкогольное. С тех пор я требую неоткупоренные банки и бутылки.

Я сидел, глядя в кружку, и размышлял над тем, чего наслушался в нижней палате, а главное – над попыткой запретить всякое чародейство. И чем больше размышлял, тем заманчивее мне представлялся такой закон. Страна ведь процветала в те дни, когда чародейство не приобрело популярности и не было поставлено на коммерческую основу. Оно причиняло много неприятностей и помимо нынешнего нашего столкновения с рэкетирами и монополистами. Я высказал свое мнение Джедсону, но он не согласился со мной.

Запреты, сказал он, никогда не приносили пользы ни в какой области. По закону или вопреки ему все, на что есть спрос, будет поставляться тем, кому оно требуется. Запретить чародейство – значит попросту расчистить дорогу всяким шарлатанам и черным магам.

– Я не хуже тебя сознаю отрицательные стороны чародейства, – продолжал он, – но это как огнестрельное оружие. Бесспорно, пистолеты открывают возможность почти для каждого убивать безнаказанно. Однако, едва они были изобретены, уже ничего нельзя было изменить. Оставалось только как-то выходить из положения. Закон Салливана и ему подобные не мешают преступникам носить оружие и пускать его в ход, они просто забрали оружие у порядочных людей. – Он помолчал. – То же и с чародейством. Запретив его, ты отнимешь у законопослушных людей великие блага, которые дает знание великих законов оккультизма, но гнусные, вредоносные тайны, скрытые в черных и красных гримуарах, останутся доступными любому, кто не уважает законы и готов заплатить требуемую цену... Не верю, что с тысяча семьсот пяти-

десятого года по тысяча девятьсот пятидесятый, например, к черной магии прибегали реже, чем до этого времени или сейчас. Посмотри на Пенсильванию и край колдуний, посмотри на южные штаты. Однако теперь мы пользуемся и благами белой магии.

В зал вошла Салли, увидела нас и села на диванчик.

– Фу-у... – вздохнула она с облегчением. – Еле пробралась через вестибюль! Третья палата явилась в полном составе. Никогда еще не видела их в таком количестве, и особенно женщин.

– Какая «третья палата»? – спросил я.

– Она говорит про лоббистов, Арчи, – объяснил Джедсон. – Я тоже заметил и бьюсь об заклад: две трети синтезированы.

– То-то мне показалось, что я почти никого из них прежде не видела, – согласилась Салли. – Но ты уверен, Джо?

– Не совсем. Но Боди согласился со мной. Он говорит, что женщины почти все мандраки или андроиды той или иной выделки. Настоящие женщины никогда не бывают столь безупречно красивыми, да и такими покладистыми. Он сейчас проверяет их по моей просьбе.

– Каким образом?

– По его словам, он умеет определить работу большинства чародеев, способных на такие сложные манипуляции. Нам было бы полезно получить доказательства, что все эти андроиды выпущены «Магией, инкорпорейтед», хотя я пока не совсем представляю, как мы могли бы использовать этот факт. Боди даже опознал парочку-другую зомби, – добавил он.

– Неужели! – воскликнула Салли и брезгливо поморщилась. – Какие странные вкусы бывают у некоторых людей!

Тут они заговорили о политических делах, мне неизвестных, пока Салли расправлялась с довольно внушительным обедом, завершив его солидной порцией торта из мороженого с кремом. Однако я заметил, что заказывала она по левой стороне меню – из списка блюд с исчезающими компонентами, вроде алкоголя в моем пиве.

Слушая их разговор, я мало-помалу разобрался в ситуации. Когда предлагается законопроект, он предварительно передается в соответствующий комитет. Проект Дитворта АБ-22 поступил в Комитет по профессиональным стандартам. А председательствующий в сенате вице-губернатор предложил точно такой же законопроект и передал его в Комитет по вопросам промышленности.

Нашей первой задачей было найти депутатов, которые внесли бы наш проект на рассмотрение обеих палат, если удастся, и – в оптимальном варианте – были бы членами соответствующих комитетов своей палаты. Причем все это требовалось уладить до того, как начнутся слушания по дитвортскому проекту.

Ко второму депутату я отправился с ними. Правда, он не состоял в Комитете по профессиональным стандартам, зато был членом Комитета по способам и методам, а это значило, что с ним считаются во всех остальных комитетах.

Он оказался очень приятным человеком. Фамилия его была Спенс – Лютер Б. Спенс, и я заметил, что он искренне хотел оказать услугу Салли – вероятно, в благодарность за ее прошлые услуги. Но нам повезло с ним не больше, чем с тем, к кому они обратились первому. К сожалению, сказал он, у него совсем нет времени, чтобы внести наш законопроект, – председатель Комитета по способам и методам серьезно болен, и он его замещает до конца сессии.

Салли сказала без обиняков:

– Послушайте, Лютер, когда вам в прошлом требовалась помощь, вы получали ее от меня. Мне неприятно напоминать человеку о его обязательствах, но вспомните про прошлогоднюю вакансию в Комитете по охоте и рыболовству. Так вот, в этом деле мне нужны не извинения, а поддержка!

Спенс явно смутился:

– Послушайте, Салли, не надо так! Зря вы взъерошили перышки. Вы знаете, я всегда окажу вам всемерную поддержку, но это вам не так уж и нужно, а мне придется пренебречь тем, чем пренебрегать я никак не могу.

– Что значит – вам не нужно?

– Не нужно тревожиться из-за АБ – двадцать два. Это же просто затравка.

Позже Джедсон объяснил мне, что «затравкой» называют законопроект, вносимый по тактическим соображениям. Вносящие и не пытаются добиваться его утверждения, а используют только для заключения сделки. Нечто вроде «цены с запросом» в торговле.

– Вы в этом уверены?

– Ну да. Практически. Говорят, что готовится другой законопроект, исправленный по сравнению с этим.

Когда мы вышли из приемной Спенса, Джедсон сказал:

– Салли, надеюсь, Спенс не ошибается, но я ни на цент не верю Дитворту. Он намерен прибрать эту сферу деятельности к рукам!

– Сведения Лютера обычно верны, Джо.

– Без сомнения. Но это слегка не по его части. Ну, в любом случае спасибо, детка. Ты сделала все, что в твоих силах.

– Звони, Джо, если понадобится что-нибудь еще. И до отъезда выбери пообедать у нас. Ты же еще не видел ни Билла, ни ребят.

– Обязательно.

Джедсон наконец оставил бесплодные попытки внести наш законопроект на рассмотрение и сосредоточился на комитете, куда поступили законопроекты Дитворта. Я его почти не видел. Он уходил из отеля в четыре часа на прием с коктейлями и возвращался в три ночи с покрасневшими от бессонницы глазами и сообщал мне последние новости.

На четвертую ночь он разбудил меня торжествующим заявлением:

– Дело в шляпе, Арчи!

– Ты зарезал эти законопроекты?

– Не совсем. Этого у меня не получилось. Но из комитетов они выйдут с такими поправками, что их утверждение нам ничем не грозит. Кроме того, каждый комитет предложил свои поправки.

– Ну и что?

– А то, что в случае утверждения в своих палатах они будут переданы объединенной комиссии для согласования, а затем возвращены в палаты для окончательного утверждения. А шансы на это, когда сессия практически завершена, крайне малы. Считаю, что оба они утоплены.

Предположение Джедсона оправдалось. Законопроекты были отосланы с рекомендацией «утвердить» вечером в субботу. То есть по реальному времени. Часы Капитолия были остановлены за двое суток до этого, чтобы провести в срок первое и второе чтения «обязательного» законопроекта, предложенного администрацией. А потому официально был четверг. Я понимаю, что звучит это по-идиотски, да и вообще это идиотство, но меня заверили, что в конце перегруженной сессии такую штуку устраивают законодательные собрания всех штатов.

Важно было другое: четверг ли, суббота ли, сессия должна была завершиться в этот вечер. Я следил, как законопроект Дитворта был представлен в нижней палате и прошел без обсуждения в исправленной форме. Я вздохнул с облегчением. Около полуночи меня нашел Джедсон и сообщил, что в сенате произошло то же самое. Салли вела наблюдение на заседании объединенного комитета, просто чтобы убедиться, что законопроекты застряли.

Мы с Джо возобновили наше дежурство в нижней палате и в сенате. Собственно, этого не требовалось, но так нам было спокойнее. Около двух ночи за мной зашел Боди и сказал, что Салли с Джедсоном будут ждать нас у дверей зала, где заседает объединенный комитет.

– Что случилось? – У меня сразу взыграли нервы. – Провал?

– Нет-нет, все в порядке. Идем.

Джедсон ответил на мой вопрос прежде, чем я успел его задать, едва увидев меня и Боди, отставшего на несколько шагов.

– Все в порядке, Арчи. Салли была там, когда комитет завершил работу, не добравшись до этих законопроектов. Все позади, и мы одержали победу.

В честь этого следовало выпить, и мы направились в бар на другой стороне улицы.

Несмотря на поздний час, бар был довольно полон. Лоббисты, местные политики, помощники депутатов – все те, кто толчется в Капитолии, пока продолжается сессия, оставались на ногах до утра, а некоторые и вообще просидели в баре весь вечер, дожидаясь новостей.

Нам повезло; мы нашли для Салли свободный табурет у стойки и втроем отгородили ее живой стенкой, стараясь привлечь внимание задержанного бармена. Только мы умудрились сделать заказ, как молодой человек похлопал по плечу мужчину, сидевшего на табурете рядом с Салли справа. Он тут же вскочил и вышел, а я толкнул локтем Боди, чтобы он занял освободившийся табурет. Салли повернулась к Джо:

– Ну, ждать уже недолго. Вот парламентский пристав. – И она кивнула в сторону молодого человека, который двигался вдоль стойки, вновь и вновь хлопая кого-то по плечу.

– В чем дело? – спросил я Джо.

– Начинается заключительное голосование, которого они ждали. И созывается палата, а потому спикер распорядился арестовать отсутствующих членов.

– Арестовать? – переспросил я с некоторым возмущением.

– Чистая формальность. Видишь ли, нижней палате полагается ждать, пока не кончит заседать сенат, ну и почти все депутаты разбрелись перекусить или выпить. А теперь начинается голосование, вот их и собирают.

На табурет, освободившийся неподалеку от нас, плюхнулся толстяк. Салли сказала:

– Привет, Дон.

Он вынул изо рта сигару и ответил:

– Как поживаешь, Салли? Что новенького? Ах да! Тебя вроде бы интересовал этот закон о магии?

Мы все четверо разом встрепенулись.

– Да, – подтвердила Салли. – А что?

– Ну так лучше вернись в зал. Сейчас идет голосование по нему. Ты разве не заметила, что созывается палата?

По-моему, мы поставили новый рекорд бега на сто метров. Первой улицу пересекла Салли, и полнота ей не помешала. Я спросил было Джедсона, как это могло получиться, но он только буркнул:

– Не знаю. Сейчас увидим.

Нам удалось найти места внизу у самого барьера. Салли попросила знакомого рассыльного принести ей экземпляр закона, поставленного на голосование, а за барьером двумя группами собирались депутаты. У стола лидера правительственной фракции образовалась порядочная толпа, другая, поменьше, окружила главу оппозиции. Партийные организаторы там и сям останавливали депутатов и что-то им втолковывали напряженным шепотом.

Вернулся рассыльный с экземпляром законопроекта – «Бюджет для плана улучшений в средних округах», – последнего из обязательных, для рассмотрения которых созывалась сессия, но... *дополненный законопроектом Дитворта в его первоначальной, самой губительной форме!*

Его добавили в качестве поправки в сенате как уступку подручным Дитворта, чтобы обеспечить большинство в две трети, необходимое для утверждения бюджета, с которым его скрепили.

Тут же и проголосовали. Еще в самом начале переключки стало ясно, что лидер фракции сплотил свое большинство и закон пройдет. Когда это было объявлено, глава оппозиции внес предложение закрыть заседание на неопределенный срок, и оно было принято единогласно. Спикер подозвал лидеров обеих фракций к себе и поручил им сообщить губернатору и председателю сената о завершении сессии.

Удар его молотка вывел нас из оцепенения, и мы побрели к дверям.

На следующее утро нас принял губернатор, хотя день у него был расписан по минутам. Просто из любезности к Салли, что подтвердило уважение, каким она пользовалась в этих кругах. Во всяком случае, было видно, что нас он видеть не хотел и времени у него в обрез.

Однако с Салли он поздоровался сердечно и терпеливо слушал, пока Джедсон как можно короче излагал, почему, по нашему мнению, на закон о бюджете для средних округов вкупе с дитвортским необходимо наложить вето.

Обстановка была не слишком подходящей для объяснений. Губернатор дважды отрывался, чтобы поговорить по телефону – со своим финансовым советником и с Вашингтоном. Один раз вошел секретарь и сунул ему какой-то документ: старик как будто встревожился, нацарапал резолюцию и отдал документ секретарю. Я видел, что некоторое время затем его мысли были заняты вовсе не тем, о чем говорил Джедсон.

Когда Джедсон замолчал, губернатор на несколько секунд уставился на пресс-папье с выражением тоскливой усталости, а потом сказал медленно:

– Нет, мистер Джедсон, вы меня не убедили. Я, как и вы, сожалею, что закон, регулирующий применение чародейства, соединили с совершенно другим. Но я не могу наложить вето на часть законопроекта, а остальное подписать, даже если закон охватывает две разные области. Я ценю усилия, которые вы приложили для избрания моей администрации, – (тут я распознал руку Салли), – и искренне хотел бы, чтобы мы пришли к согласию и в этом вопросе. Однако План для средних округов я поддерживал с момента моего избрания. Я искренне надеюсь и верю, что с его помощью наиболее бедные районы нашего штата смогут разрешить свои экономические проблемы и без новых безвозвратных ссуд. Если бы я был убежден, что поправка, касающаяся чародейства, действительно нанесет серьезный ущерб штату... – Он помолчал. – Но я в этом не убежден. После утреннего звонка миссис Логан я поручил своему юрисконсульту проанализировать этот закон. Я согласен, что он не нужен, но в остальном он разве что чуть-чуть расширит бюрократические процедуры. Конечно, ничего хорошего, но мы же много добиваемся и при этих условиях, так что такая малость навредить никак не может.

Тут вмешался я. Грубо, не спорю, но я весь кипел.

– Ваше превосходительство, если бы вы сами нашли время внимательно с ним ознакомиться, вы убедились бы, сколько вреда он принесет!

Я не удивился бы, если бы он меня отчитал, но он только кивнул на грудку входящих бумаг у себя на столе:

– Мистер Фрэзер, вы видите тут пятьдесят семь законопроектов, утвержденных этой сессией законодательного собрания. У каждого из них есть какие-то недостатки. Каждый из них очень важен для той или иной группы граждан нашего штата – или для них всех. Некоторые длиной не уступят роману. В ближайшие девять дней я должен решить, какие утвердить, а какие отложить для пересмотра до будущей сессии. На протяжении этих девяти дней по меньшей мере тысяча человек будет требовать, чтобы я принял их по поводу того или иного из этих законов...

В дверь просунулась голова секретаря.

– Двенадцать двадцать, шеф. Через сорок минут вы выходите в эфир.

Губернатор рассеянно кивнул и поднялся с кресла:

– Вы меня извините? Меня ждут на званом завтраке. – Он обернулся к секретарю, который доставал из стенного шкафа шляпу и перчатки. – Джим, вы взяли речь?

– Конечно, сэр.

– Секунду! – вмешалась Салли. – А свое лекарство вы приняли?

– Еще нет.

– Перед таким завтраком его надо принять обязательно!

Она кинулась в его умывальную и вернулась с флаконом в руке. Мы с Джо поспешили откланяться.

На улице я принялся злобствовать на то, как нас вышвырнули, и прошелся по поводу тупых, идущих на компромиссы политиканов, но тут Джо меня оборвал:

– Заткнись, Арчи! Попробуй как-нибудь поруководить штатом, а не маленькой фирмой и посмотри, как у тебя пойдут дела!

Я заткнулся.

Боди ждал нас в вестибюле Капитолия. Я заметил, что он очень взволнован. Увидев нас, он швырнул сигарету и кинулся к нам.

– Поглядите! – потребовал он. – Вон туда!

Мы посмотрели туда, куда указывал его палец, и увидели две фигуры, выходящие из больших дверей. Дитворт, а с ним известный лоббист, который ему помогал.

– Ну и что? – спросил Джо.

– Я стоял вон за той телефонной будкой и закуривал сигарету. Вон в том настенном зеркале отражается нижняя часть лестницы. Я высматривал в нем вас. И вдруг вижу: этот лоббист, Симс, спускается по лестнице вроде бы один, но размахивает руками, как будто с кем-то разговаривает. Мне стало любопытно, и я посмотрел прямо на лестницу из-за угла будки. А он не один! Он с Дитвортом. Поглядел в зеркало – а там Симс один! *Дитворт в зеркале не отражался!*

Джедсон щелкнул пальцами.

– Демон! – сказал он изумленно. – А мне и в голову не приходило!

Я удивляюсь, почему в поездах самоубийства случаются не каждый день. Не знаю, что может действовать более угнетающе, чем однообразные пейзажи за окном и монотонный перестук колес... Хорошо еще, я мог занять голову нашим открытием, что Дитворт не человек вовсе, и не вспоминать беднягу Фельдштейна с его тысячей долларов.

Но при всей своей неожиданности открытие, что Дитворт – демон, мало что меняло, просто объясняло быстроту и ловкость, с какой нас обошли, ну и подтверждало окончательно наше подозрение, что рэкетеры и корпорация «Магия» – это две головы одного чудовища. Но у нас не было средства доказать, что Дитворт – исчадие Полумира. Попытайся мы вызвать его в суд для проверки, он наверняка затаится, а вместо себя пришлет двойника или мандрака, точное свое подобие, но в зеркале отражающееся.

Нам было страшно возвращаться, чтобы сообщить о полной нашей неудаче, то есть мне было страшно. Но хоть тут судьба нас пощадила. Закон о средних округах вступал в силу с момента подписания, а с ним и поправка, включившая законопроект Дитворта. Когда мы сошли с поезда, на вокзале продавались газеты с фамилиями членов новоиспеченной комиссии по чародейству.

Комиссия, также не теряя времени, дала почувствовать свою силу. Она объявила о своем намерении поднять требования ко всем видам магии и возвести о введении новых экзаменов с более взыскательным подходом. Ассоциация, прежде возглавлявшаяся Дитвортом, открыла курсы повышения квалификации для чародеев, желающих пополнить свои познания в области принципов волшебства и тайного искусства. В соответствии с благородными идеями, изложенными в их хартии, курсы не ограничивали прием только членами ассоциации.

Какое великодушие! А на самом деле на занятиях постоянно внушалось, что членство в ассоциации облегчит сдачу новых экзаменов. И ничего конкретного, с чем можно обратиться в суд, только косвенные намеки. И ассоциация росла как на дрожжах.

Недели через две все лицензии были аннулированы, а чародеям было разрешено практиковать, но с обязательством явиться на экзамен по первому требованию. Наиболее ярых из нежелавших заключить контракт с «Магией» вызвали, проэкзаменовали и отказали им в лицензии. Пресс был включен на полную мощность. Миссис Дженнингс тихо удалилась от дел. Боди как-то зашел ко мне – у меня был с ним контракт на завершение нескольких недостроенных домов.

– Вот ваш контракт, Арчи, – сказал он с горечью. – Я попрошу у вас отсрочки для уплаты неустойки. Мой залог конфисковали тогда же, когда отняли у меня лицензию.

Я взял и разорвал его на четыре части.

– Про неустойку забудь, – сказал я. – Сдашь экзамен, и мы заключим новый контракт.

Он зло засмеялся:

– Не будь наивным.

Я сменил тему:

– Что ты намерен делать? Подпишешь договор с корпорацией «Магия»?

Он гордо выпрямился:

– Я никогда не шел на мировую с демонами. И не собираюсь.

– Молодец! – отозвался я. – Когда на хлеб начнет не хватать, подыщем для тебя какую-нибудь работу здесь.

Хорошо еще, что у Боди было кое-что отложено на черный день, потому что я немножко поторопился со своим предложением, «Магия» стремительно перешла ко второй фазе закручивания гаек, и вопрос уже встал так: а буду ли я сам есть досыта? В городе, конечно, оставалось еще немало лицензированных чародеев, не связанных договором с «Магией», – если бы корпорация выжила всех, это было бы подсудным делом, – но только одни бездарности, которые и любовный напиток настоять не сумели бы. А получить надежную и законную магическую помощь можно было только через корпорацию «Магия».

Мне пришлось вернуться к прежним методам даже в мелочах. Поскольку чарами я и раньше не злоупотреблял, заниматься этим я мог с той только разницей, что вместо прибыли выходили убытки.

Я взял Фельдштейна продавцом, когда его агентство лопнуло. Он чувствовал себя как рыба в воде и помог снизить потери. Прибыль он чуял даже на большем расстоянии, чем я, – на большем, чем доктор Уортингтон был способен учуять колдуна.

Но большинство знакомых мне бизнесменов были вынуждены капитулировать. Почти все они пользовались чарами по меньшей мере на одной стадии своего производства, и перед ними стоял простой выбор: либо заключить контракт с «Магией», либо ликвидировать свое дело. У них были жены, дети, и они заключали контракты.

Расценки за чародейство были взвинчены до предела – так, что с магией себестоимость оказывалась лишь чуть ниже, чем без нее. Чародеям от этой прибыли не выпадало ничего – все забирала корпорация. Собственно говоря, чародеи теперь зарабатывали меньше, чем прежде, когда были независимыми, но они брали, что им выпадало, и были рады хоть как-то прокормить свои семьи.

Джедсону был нанесен тяжелый удар. Сокрушительный. Он пока держался, предпочитая честное банкротство сделке с демонами, но ведь в своем производстве он пользовался магией буквально во всех операциях. Они начали с того, что дисквалифицировали Огеста Уэлкера, его десятника, а затем лишили остальных источников. Ему дали понять, что корпорация «Магия» не желает иметь с ним дела, даже если он будет просить об этом.

Как-то под вечер мы собрались у миссис Дженнингс выпить чаю – я, Джексон, Боди и доктор Ройс Уоррингтон, вынюхиватель колдунов. Мы пытались разговаривать на нейтральные темы – и все время возвращались к своим бедам. Любое самое безобидное замечание тут же заставляло вспомнить Дитворта и его проклятую монополию.

После того как Джек Боди минут десять, кривя душой, объяснял, будто нисколько не переживает из-за утраты возможности колдовать – у него и таланта к этому нет никакого, и занялся он этим только по настоянию отца, не желая его огорчать, – я попытался сменить тему. Миссис Дженнингс слушала Джека с таким состраданием, с такой жалостью в глазах, что мне хотелось зареветь в голос.

Я обернулся к Джексону и пробормотал:

– А как там мисс Мегит?

Та белая колдунья из Джерси-Сити, которая занималась творческой магией в текстильной промышленности. На самом деле мне это было не особенно интересно.

Он дернулся и посмотрел на меня:

– Эллен? Она... у нее все хорошо. Ее лишили лицензии месяц назад, – закончил он бес-связно.

Такой поворот беседы меня не устраивал, и я сделал еще одну попытку:

– А ей все-таки удалось сотворить готовое платье?

Он чуть-чуть повеселел:

– Ну да. Один раз. Неужели я вам об этом не рассказывал?

Миссис Дженнингс проявила вежливый интерес, за что я мысленно ее поблагодарил. Джексон объяснил остальным, чего они с мисс Мегит добивались.

– Она даже чересчур преуспела, – продолжал он. – Раз начав, все продолжала и продолжала: нам никак не удавалось вывести ее из транса, и она выдала более тридцати тысяч поло-сатых спортивных платьев маленького размера. У меня все склады ими забиты. Девять десятых успеет испариться, прежде чем я продам приличную партию. Но больше она этим заниматься не будет, – добавил он. – Слишком вредно для ее здоровья.

– Как так? – спросил я.

– Ну, она похудела на десять фунтов после этого сеанса. Материала для чар почти не осталось. Ей нужно бы поехать в Аризону и год прожариваться на солнце. Эх, были бы у меня деньги! Я бы ее туда отправил.

Я вздернул бровь:

– Попался, Джо?

Джексон – закоренелый холостяк, но мне нравится его поддразнивать, и обычно он подыгрывает, но на этот раз прямо-таки огрызнулся. Вот насколько у него нервы истрепались!

– А, чтоб тебя, Арчи! Извините, миссис Дженнингс! Но стоит мне проявить простой человеческий интерес к кому-нибудь, и ты сразу усматриваешь корыстные побуждения!

– Прости!

– Да ладно. – Он усмехнулся. – Мне не следовало лезть в бутылку. Как бы то ни было, а мы с Эллен кое-что изобрели, – возможно, этот фокус нас всех выручит. Я собирался вам всем показать, когда будет готов пробный образец. Вот! – Из кармана жилета он извлек нечто вроде ручки и протянул ее мне.

– Что это? Ручка?

– Нет.

– Градусник?

– Нет. А ты открой.

Я отвинтил колпачок и увидел миниатюрный зонтик. Открывался и закрывался он как настоящий и был в поперечнике дюйма три. Мне вспомнились японские коробочки с сюрпри-

зами, которые иногда раздают на праздниках. Только те зонтики сделаны из папиросной бумаги и бамбуковой палочки, а этот был из водонепроницаемого шелка с металлическими спицами и ручкой.

– Симпатичный, – сказал я. – И сделан очень искусно. А для чего он?

– Окуни его в воду.

Я посмотрел по сторонам, где взять воду, но миссис Дженнингс уже плеснула из графина в чашку и дала мне. Я обмакнул зонтик.

Мне почудилось, что он пополз у меня по ладони.

Не прошло и тридцати секунд, как оказалось, что я держу над головой открытый зонт и выгляжу, наверное, так же глупо, как себя чувствую.

Боди хлопнул кулаком по ладони:

– Самое то, Джо! И как это никто раньше до этого не додумался!

Джедсон выслушал поздравления с самодовольной улыбкой, сказал: «Это еще не все!», достал из кармана конверт и вытряхнул из него прозрачный дождевик впору шестидюймовой куколке.

– Принцип тот же. Как и у них. – Он вытащил пару галош длиной менее дюйма. – Мужчина может носить их как брелок на часовой цепочке, а женщина – как талисманчик на браслете. И тогда, приобретя зонтик или плащ, можно будет не опасаться дождя. Едва он начнется – хоп! – они увеличатся. А высыхая, опять станут миниатюрными.

Мы, восхищаясь, передавали их из рук в руки, а Джо продолжал:

– Вот о чем я говорил. Для этого дела нужен чародей – это ты, Джек. И организатор сбыта – это ты, Арчи. Мы с Эллен получаем большие пакеты акций. Она сможет отдохнуть и подлечиться, а я уйду на покой, продолжать изучение законов магии, как и собирался.

Я уже вовсю обдумывал коммерческие возможности, и тут вдруг меня огорошила зловеющая мысль.

– погоди, Джо! Мы ведь не можем открыть это дело в нашем штате.

– Да, конечно.

– А чтобы открыть дело в другом штате, нужен какой-никакой капитал. У тебя есть что-нибудь? По правде сказать, я вряд ли и тысячу долларов выручу за магазин.

Он скривил губы:

– Ну, в сравнении со мной ты богач.

Я вскочил и начал нервно расхаживать по комнате. Может, мы сумеем занять необходимые деньги. Упустить такую возможность? Нет уж! Она же нас всех поставит на ноги! Все основания для получения патента, а тогда... Я уже видел коммерческие операции, какие Джо и не представлял себе. Туристские палатки, байдарки, купальные костюмы, любое снаряжение для путешествий. Золотое дно!

И тут миссис Дженнингс мягко сказала своим приятным голосом:

– Боюсь, что найти штат, где вы смогли бы обосноваться, будет не так-то легко.

– Извините, я не понял?

– Мы с доктором Ройсом наводили справки. Боюсь, вы убедитесь, что вся страна скоро окажется в таком же положении.

– Как! Все сорок восемь штатов?

– Демоны, в отличие от нас, во времени не ограничены.

Я осекся. Опять Дитворт!

Уныние окутало нас как черная мгла. Мы прикидывали и так и этак, но возвращались все к тому же: что толку от замечательной идеи, если Дитворт обложил нас со всех сторон? Воцарилось угрюмое молчание.

Прервал его я, неожиданно для себя заявив:

– Но послушайте! Такое положение невыносимо. Довольно обманывать себя. Посмотрим правде в глаза: пока Дитворт командует, нам надеяться не на что. Почему же мы ничего не пробуем предпринять?

Джедсон страдальчески улыбнулся:

– Я бы и рад, Арчи, Бог свидетель, но что мы можем сделать?

– Мы ведь знаем, кто наш враг! Дитворт. Так возьмемся за него – законным путем или противозаконным, в открытую или исподтишка.

– В том-то и вопрос. Знаем ли мы, кто наш враг? Да, конечно, он демон. Но какой? И где он сейчас? Его уже давным-давно никто не видел.

– Что? Так ведь совсем на днях...

– Просто манекен. Пустая оболочка. Подлинный Дитворт где-то прячется.

– Но послушай, если он демон, его же можно вызвать, принудить...

Ответила мне миссис Дженнингс:

– Пожалуй, но это ненадежный и опасный способ. Для этого нам не хватает главного – его имени. Вызвать демона можно, только зная его подлинное имя, иначе он не подчинится, какими бы могущественными ни были заклинания. Я уже не один месяц веду розыски в Полумире, но ничего полезного не узнала.

Доктор Уоррингтон звучно откашлялся – словно загромычала бетономешалка – и предложил:

– Мои способности в вашем распоряжении, и если я могу как-то помочь вам избавиться от этой докуки...

Миссис Дженнингс поблагодарила его, но добавила:

– Пока я не вижу, доктор, как мы могли бы воспользоваться вашими талантами. Но я всегда знала, что вы готовы помочь нам.

– Черное побеждается белым! – неожиданно сказал Джедсон.

– Всегда, – подтвердила миссис Дженнингс.

– И везде?

– И везде, ибо мрак – это отсутствие света.

– Негоже, – продолжал Джедсон, – белому уступать черному.

– Негоже.

– С помощью моего брата Ройса мы можем внести свет во тьму.

Она задумалась.

– Да, это возможно, но очень опасно.

– Вы там бывали?

– Случалось. Но ты – не я, и остальные тоже.

Все, кроме меня, словно бы понимали, о чем идет речь, и я, не выдержав, перебил их:

– Погодите. Может, вы объясните, в чем дело?

– Извини, Арчибалд, мы не хотели тебя обидеть, – сказала миссис Дженнингс голосом, который сразу меня утешил. – Джозеф предлагает, раз мы здесь бессильны, сделать вылазку в Полумир, вынудить этого демона и напасть на него в его родной обстановке.

Я не сразу уловил дерзкую простоту этого плана, а тогда сказал:

– Чудесно! Давайте, а? Когда отправляемся?

Они начали профессиональный разговор, в котором я опять ровно ничего не разобрал. Миссис Дженнингс достала несколько подплесневевших фолиантов и справлялась по ним о тонкостях, которые были выше моего понимания. Джедсон позаимствовал ее астрономический календарь и вышел с доктором во двор посмотреть на луну.

Затем они начали спорить – вернее, обсуждать, поскольку предложения миссис Дженнингс принимались безоговорочно, – как обеспечить связь с реальным миром. Насколько я понял, проверенного способа не имелось, а миссис Дженнингс отказывалась что-либо пред-

принять, пока они не найдут подходящий вариант. Загвоздка заключалась в следующем: они не были черными магами, не подписывали договора с чертом, а потому не считались гражданами Царства Тьмы и не могли беспрепятственно по нему путешествовать.

– А как насчет Эллен Мегит? – неуверенно спросил Боди у Джедсона.

– Эллен? Ну конечно же! Она это может. Сейчас я ей позвоню. Миссис Дженнингс, у кого из ваших соседей есть телефон?..

– Это лишнее, – перебил Боди. – Просто думай о ней, пока я не протяну линию... – Секунду он впивался взглядом в лицо Джедсона, а затем исчез.

Минуты три спустя Эллен Мегит грациозно прыгнула в комнату из пустоты.

– Мистер Боди сейчас придет, – сказала она. – Он задержался купить пачку сигарет.

Джедсон подвел ее к миссис Дженнингс и познакомил их. Выглядела Эллен действительно плохо, и я понял, почему Джедсон за нее тревожится. Каждые несколько минут она судорожно сглатывала и кашляла, словно страдая увеличением щитовидной железы.

Едва вернулся Джек, как они принялись обсуждать детали. Он уже объяснил Эллен, что они задумали, и она с радостью согласилась помочь, твердо заявив, что еще один транс ей вреда не причинит. Тянуть не имело смысла, и они тут же собрались в путь. Миссис Дженнингс отдавала распоряжения:

– Эллен, ты в транс будешь следовать за мной, поддерживая тесный контакт. Думается, на кушетке у камина твоему телу будет удобно. Джек, ты останешься здесь охранять врата. – (Наиболее подходящими вратами оказалась труба камина в гостиной миссис Дженнингс.) – И будешь поддерживать с нами связь через Эллен.

– Но, бабушка, я пригожусь в Полу...

– Нет, Джек, – перебила она ласково, но твердо. – Здесь ты гораздо нужнее. Кто-то должен сторожить путь, чтобы помочь нам вернуться. У каждого свои обязанности. – Он проворчал, но уступил, и она продолжила: – Пожалуй, это все. Эллен и Джек остаются здесь. Джозеф, Ройс и я отправляемся туда. Тебе, Арчибальд, остается только ждать, но по мирскому времени отсутствовать мы будем не дольше десяти минут – если, конечно, вернемся.

Она засемила в кухню, упомянув про мазь, а потом повернулась к Джеку и распорядилась, чтобы он приготовил свечи. Я бросился за ней.

– О чем вы? – спросил я сердито. – Возьмите меня с собой!

Она посмотрела на меня с ласковой озабоченностью в чудесных глазах:

– Арчибальд, это невозможно!

Джедсон пошел за нами и дернул меня за рукав:

– Не глупи, Арчи. Ну подумай сам! Об этом и речи быть не может. Ты же не чародей!

Я вырвал руку:

– И ты не чародей!

– Формально – нет, но я знаю достаточно, чтобы оказаться полезным. Не изображай упрямого осла. Ты же просто будешь там помехой для нас.

Такой довод опровергнуть трудно. Удар под ложечку, и ничего больше.

– Это почему же? – не уступал я.

– Черт возьми, Арчи! Ты молод, силен, смел – и в драке я был бы только рад, если бы ты оказался рядом. Но в этом деле одного мужества или даже ума еще мало. Тут требуются специальные знания и опыт.

– Ну и что? – отрезал я. – У миссис Дженнингс и того и другого хватит на целый полк. Но – вы извините меня, миссис Дженнингс, – она в преклонных летах и слаба. Если силы ей изменят, я ее поддержу.

Джо усмехнулся, и я чуть не дал ему хорошего пинка.

– Но не это требуется в...

У нас за спиной зарокотал бас профундо доктора Уортингтона:

– Мне кажется, брат, что порывистость и невежество нашего молодого друга могут нам пригодиться. Бывают моменты, когда мудрость слишком уж опаслива.

Конец спору положила миссис Дженнингс.

– Погодите! Все вы! – скомандовала она и просеменила к кухонному шкафу, открыла дверцы, отодвинула пакет овсяных хлопьев и достала кожаный мешочек. Он был полон тонких палочек.

Она высыпала их на пол, и мы все трое деловито усталились на беспорядочную кучку.

– Бросьте их еще раз! – потребовал Джо, и она послушалась.

Затем я увидел, что миссис Дженнингс и доктор согласно кивнули, а Джедсон пожал плечами и отвернулся.

– Ты отправишься с нами, – сказала мне миссис Дженнингс с улыбкой, хотя глаза ее оставались озабоченными. – Это небезопасно, но мы тебя возьмем.

Больше времени мы не теряли. Разогрели мазь и втерли ее друг другу в спину. Боди, как привратник, восседал среди своих пентаграмм, меагранов и рунических знаков, монотонно и нараспев читая заклинания из пухлой книги. Уортингтон решил отправиться в истинном своем облике – в набедренной повязке, с ног до головы расписанный парасимволами, с дедушкиной головой под мышкой.

Возникла небольшая дискуссия, прежде чем они выбрали подходящую личину для Джо. Он прошел несколько метаморфоз, после финальной выглядел ужасно: тонкая как бумага серая кожа обтягивала безобразно перекошенный череп, сгорбленную спину, впалые бока какого-то зверя и длинный костистый хвост, которым он беспрестанно дергал из стороны в сторону. В целом композиция была достаточно близка к человеку, чтобы вызвать отвращение – куда большее, чем вид какого-нибудь уродливого животного. Меня чуть не вырвало, но он остался очень доволен.

– Прелесть! – воскликнул он голосом, напоминающим скрежетание жести по жести. – Великолепная работа, миссис Дженнингс. Асмодей не отличит меня от родного племянника!

– Надеюсь! – сказала она. – Так в путь?

– Ну а Арчи?

– Мне удобнее оставить его таким, какой он есть.

– А ваше собственное преобразование?

– Об этом я уж как-нибудь сама позабочусь, – ответила она с некоторой резкостью. – Займите свои места.

Мы с миссис Дженнингс оседлали одну метлу – я впереди, лицом к свечке, вставленной между прутьями. (На Хеллоуин часто вывешивают изображение ведьмы верхом на метле палкой вперед. Это грубая ошибка. В таких вещах обычай крайне важен.) Ройс и Джо должны были следовать прямо за нами. Серафим быстро прыгнул на плечо хозяйки и уютно устроился там. У него от приятного нетерпения даже усы подрагивали.

Боди громко произнес Слово, наша свечка выбросила язык пламени, и мы взвились. Я жутко перепугался, но постарался не показать виду, судорожно вцепившись в палку метлы. Камин разверзся, будто огромная пасть. Огонь в нем заревел, как лесной пожар, и унес нас ввысь. На мгновение я увидел в вихре пламени пляшущую саламандру и понял, что это моя саламандра – та, которая почтила меня своим одобрением и порой украшала своим присутствием мой новый камин. Я счел это добрым предзнаменованием.

Врата остались далеко позади, если слово «позади» можно употреблять там, где все направления чисто символичны. Рев огня уже не сопровождал нас, и страх почти отпустил. Я ощутил у себя на поясе ободряющую руку и оглянулся, чтобы поговорить с миссис Дженнингс.

И чуть не свалился с метлы.

Когда мы покидали дом, позади меня примостилась дряхлая старуха, съежившаяся, морщинистая, чье тело жило только благодаря неукротимому духу. А та, кого я увидел теперь,

была молодой, полной сил женщиной, безупречной, ошеломительной красавицей. Описать ее невозможно, в ней нельзя было найти ни единого изъяна, и никакое воображение не могло ничего добавить или отнять.

Вы когда-нибудь видели бронзовую статую Дианы-охотницы? Между ними было легкое сходство, только никакому металлу не дано передать пленительную, дышащую жизнью красоту, которую увидел я.

Но это была она!

Миссис Дженнингс, вернее, Аманда Тодд в двадцать пять лет, когда она достигла высшего расцвета своей несравненной женственности и до того, как годы начали подтачивать совершенство.

Я забыл свой страх. Я забыл все, кроме одного: рядом со мной была женщина всепокоряющей обворожительности и энергии, каких я никогда не встречал. Я забыл, что она на шестьдесят лет старше меня, что этот ее облик был просто триумфом колдовства. Наверное, спроси меня кто-нибудь в ту минуту, влюблен ли я в Аманду Дженнингс, я бы ответил «да!». Но тогда мысли у меня мешались, и сам я ни о чем подобном не думал. Она была рядом со мной, и все остальное значения не имело.

Она улыбнулась. Глаза у нее были полны теплотой и пониманием. А когда она заговорила, я сразу узнал ее голос, хотя теперь вместо слабого чистого сопрано я услышал звучное контральто.

– Все нормально, Арчи?

– Да, – ответил я, запинаясь. – Все нормально, Аманда.

Ну а Полумир... Как описать место, которое не имеет ничего общего с моим миром – миром людей? Как рассказать о том, для чего еще не придуманы слова? Обычно неизвестное объясняется через известное. Но тут не было никакого хотя бы отдаленного соотношения, никаких параллелей. Мне остается только рассказывать о том, какие впечатления я получал через свои человеческие органы чувств, как происходившее воздействовало на мои человеческие эмоции, памятуя, что все это опирается на двойную ложь – недостоверность увиденного и почувствованного мной и неизбежные искажения при облечении мысли в слова.

Я обсуждал это с Джедсоном, и он согласился, что трудность эта непреодолима и все же какая-то правда должна присутствовать в рассказе о том, как я воспринял Полумир.

Между реальным миром и Полумиром есть одно существенное отличие. В реальном мире законы природы остаются неизменными, как бы ни менялись обычаи и культуры. В Полумире только обычаи обладают какой-то перманентностью, а законы природы вообще отсутствуют. Попробуйте вообразить ситуацию, в которой глава государства волен отменить закон тяготения и его указ будет неукоснительно исполнен. Вообразите место, где король Канут приказал бы приливу повернуть вспять и волны ему повиновались бы. Место, где верх и низ – дело вкуса, а расстояния с одинаковым успехом исчисляются как в милях, так и в сутках или цветах.

И все же это не хаотическая анархия. Они вынуждены безоговорочно подчиняться своим обычаям, как мы подчиняемся законам природы.

В безликой серости, окружавшей нас, мы повернули влево, чтобы обследовать горы и найти место шабаша. Аманда решила встретиться с Самим, вместо того чтобы бесцельно рыскать по непрерывно меняющимся лабиринтам Полумира в поисках некоего существа, которое не вдруг и узнаешь – если узнаешь вообще.

Ройс нашупал шабаш, но я ничего не видел до тех пор, пока мы не разрешили поверхности подняться навстречу нам и не пошли дальше пешком. Тут возникли свет и формы. Впереди, примерно в четверти мили от нас, высился холм, увенчанный огромным тронном, багровевшим в смутной мгле, как раскаленный уголь. Я не мог рассмотреть, кем он занят, но я знал, что это Сам – древний враг рода человеческого.

Мы были уже не одни. Жизнь – сознающая себя злая немертвенность – клубилась вокруг нас, туманила воздух, выбиралась наружу из-под поверхности, по которой мы ступали, а она дергалась и пульсировала у нас под ногами. Бесформенности обнюхивали и покусывали наши пятки. Мы ощущали в туманном сумраке присутствие чего-то или кого-то, что пищало, хрюкало и хихикало. И звуки – чавкающие всхлипы, жадное чмокание, срыгивание, бляение...

Наше присутствие их, видимо, тревожило – видит Небо, какой ужас внушали мне они! – недаром я слышал, как они сползают или шлепающими прыжками ускользают с нашей дороги, а потом осторожно смыкаются позади нас, бляением предупреждая друг друга.

Нечто плюхнулось перед нами – нечто с чудовищно раздутой головой и мокрыми узловатыми руками.

– Назад! – просипело оно. – Кандидаты в нечисть подают заявления на нижнем уровне! Его языка я не знал, но понял все.

Ройс ударил его по лицу, и мы прошли по нему, и его хрупкие кости хрустели у нас под ногами. Оно тут же собралось воедино, визгливо изъявляя свою покорность, а затем выскочило вперед и так сопровождало нас до самого трона.

– С ними иначе нельзя, – шепнул мне на ухо Джо. – Дай им сразу в зубы – и они будут тебя уважать.

Перед троном было что-то вроде поляны, где толпились черные ведьмы, черные маги, демоны во всевозможных гнусных обликах и всякая нечисть ниже рангом. Слева кипел котел. Справа некоторые гости трапезничали по-ведьмински, и я поспешно отвернулся. Прямо перед троном, согласно обычаю, для развлечения Козла исполнялся танец ведьм. Десятки мужчин и женщин, молодых и старых, миловидных и безобразных, вертелись и прыгали в немыслимо сложном адажио.

Танец оборвался, и они неуверенно расступились перед нами, пропуская нас к трону.

– Что такое? Что такое? – раздался хриплый лающий голос. – Да это же моя милая малютка! Иди сюда, сядь рядом со мной, моя прелесть! Ты наконец надумала подписать со мной договор?

Джедсон вцепился мне в локоть, и я проглотил слова, готовые сорваться с языка.

– Я останусь тут, – ответила Аманда с презрением. – Ну а твой договор... Ты сам знаешь.

– Тогда почему ты здесь? И с такими стра-а-анными спутниками?

Он поглядел на нас с высоты трона, хлопнул себя по волосатому бедру и залился хохотом. Ройс дернулся и проворчал что-то, голова его дедушки гневно заскрипела зубами, а Серафим зашипел.

Джедсон и Аманда о чем-то посоветовались, и она сказала:

– Согласно договору Адама, я требую права на допрос!

Он хохотнул, и дьяволята вокруг него позатыкали уши.

– Ты чего-то требуешь здесь? Не подписав договора?

– Согласно с вашими обычаями, – отрезала она.

– Ах да! Обычай. Раз ты воззвала к ним, да будет так. А кого ты хочешь допросить?

– Имени его я не знаю. Один из твоих демонов, который позволил себе недопустимые вольности за пределами твоих владений.

– Один из моих демонов, и ты не знаешь его имени? У меня, моя красоточка, семь миллионов демонов. Будешь опознавать их по очереди или всех разом? – Его сарказм почти не уступал ее презрению.

– Всех разом.

– Пусть никто не посмеет сказать, что я не уважил мою гостью. Если ты пройдешь дальше... хм-хм... точно на пять месяцев и три дня, то найдешь моих джентльменов в полном строю, готовых к инспекции.

Не помню, как мы добрались туда. Огромная бурая равнина, и никакого неба над ней. Там, готовые к смотру в присутствии своего непотребного господина, по-военному выстроились все демоны Полумира – легион за легионом, шеренга за шеренгой. Самого сопровождал его кабинет. (Джедсон назвал их мне. Люцефуг – премьер-министр, Сатаниах – фельдмаршал, Вельзевул и Левиафан – командующие флангами, Астарот, Аваддон, Мамона, Тевт, Асмодей и Инкуб – Падшие Престолы.) Семьдесят князей, командующие дивизиями, стояли во главе их, предоставив герцогам и престолом толпиться вокруг их владыки – Сатаны Мекратрига.

Сам он все еще хранил образ Козла, но его присные избрали себе всевозможные гнуснейшие обличья, какие пришились им по вкусу. Асмодей щеголял тремя головами, омерзительными каждая по-своему, которые торчали над задом распухшего дракона. Мамона несколько напоминал на редкость безобразного тарантула, Астарота же я и вовсе не возьмусь описать. Только Инкуб походил на человека, – видимо, этот облик лучше всего выражал его сластолюбие.

Козел взглянул на нас.

– Поторопись! – приказал он. – Мы здесь не для твоего развлечения.

Аманда пропустила его слова мимо ушей и повела нас к первому полку.

– Вернись! – взревел он. И мы оказались перед троном, словно и не отходили от него. – Ты забываешь обычаи. Сначала заложники!

Аманда закусила губу.

– Пусть так, – признала она и быстро посоветовалась с Ройсом и Джедсоном. Я расслышал, как Ройс ответил на какие-то возражения.

– Раз уж идти мне, – сказал он, – будет лучше, если я сам выберу своих спутников по причинам, веским для меня. Дедушка советует мне взять самого молодого, а это, бесспорно, Фрэзер.

– Что-что? – спросил я, услышав свое имя.

В свои разговоры они меня демонстративно не включали, но раз уж заговорили обо мне...

– Ройс хочет, чтобы ты пошел с ним вынюхивать Дитворта, – объяснил Джедсон.

– И оставить Аманду здесь с этими дьяволами? Мне это не нравится!

– Арчи, я могу сама о себе позаботиться, – сказала она спокойно. – Раз уж ты нужен доктору Уортингтону, то больше поможешь мне, если пойдешь с ним.

– А зачем им заложники?

– Потребовав права опознания, – объяснила она, – вы должны вернуться с Дитвортом, или за неудачу ответят заложники.

Джедсон предвосхитил мои возражения:

– Не изображай героя, сынок. Дело слишком серьезно. Нам ты поможешь, если пойдешь. А если вы не вернетесь, можешь не сомневаться, им придется выдержать хороший бой, прежде чем они наложат лапы на заложников.

И я пошел с Уортингтоном. Но мы не сделали и нескольких шагов, как я понял, что от паники меня оберегала только близость Аманды. А едва ее влияние перестало меня достигать, как весь кошмар этого места и его жутких обитателей обрушился на меня. Что-то потерлось о мои лодыжки. Я чуть не выпрыгнул из ботинок. Но, покосившись вниз, увидел, что Серафим, кот Аманды, решил сопровождать меня, и мне сразу стало легче.

Когда мы приблизились к первой шеренге демонов, Ройс принял свою собачью позу, предварительно вручив мне дедушкину голову. Прежде меня мороз продрал бы по коже от отвращения, но здесь эта мумифицированная голова казалась чем-то родным и домашним.

Встав на четвереньки, Ройс закружил среди рядов адских воинов. Серафим бросился за ним, догнал и принял участие в охоте. Пес, казалось, был доволен, что кот взял на себя половину трудов, и, думаю, у него были на то все основания. Я как мог быстрее шел по проходам между ротами, а мои спутники пробегали между рядами.

Мне чудилось, что проходят часы, – во всяком случае, утомление перешло в деревянную бесчувственность и ужас сменился тупой тревогой, Я наловчился не смотреть в глаза демонам, и никакие самые невероятные обличья меня уже не удивляли.

Роту за ротой, дивизию за дивизией прочесывали мы, пока не добрались до их конца на левом фланге. Животные мои все больше нервничали. И когда они обогнули первый ряд первой роты, пес подбежал ко мне и заскулил. Вероятно, ему был нужен его дедушка, но я нагнулся и погладил его по голове.

– Не отчаивайся, дружище, – сказал я. – Нам еще остались эти. – И я кивнул на генералов – сплошных князей, – которые стояли перед своими дивизиями. Поскольку мы начали с задних рядов, генералы еще не были проверены. Но меня уже душило отчаяние: что такое полдюжины возможностей против уже проверенных семи миллионов?

Пес побежал к ближайшему генералу, кот не отставал от него, а я следовал за ними как мог быстрее. Пес затыкал еще в нескольких шагах от демона, и я припустил бегом. Демон вздрогнул и начал преображаться. Но даже в этом гротескном облике мерещилось что-то знакомое.

– Дитворт! – завопил я и кинулся на него.

Меня хлестали кожаные крылья, царапали когти. Тут в бой вступил Ройс – более уже не пес, а негр, сложенный как абсолютный чемпион по боксу. Кот превратился в клубок ярости, зубов и когтей. Тем не менее мы потерпели бы полное поражение, если бы не произошло невероятное. Какой-то демон, нарушив строй, ринулся к нам. Я не столько его увидел, сколько почувствовал и не сомневался, что он явился на выручку своего господина, как бы меня ни заверяли, будто их обычаи это запрещают. А он – помог нам! Выручил своих природных врагов и действовал с такой мстительной яростью, что победа осталась за нами.

В единый миг все было кончено. Я обнаружил, что лежу на земле, вцепившись не в адского князя, но в Дитворта, к которому вернулся его человеческий облик щуплого обходительного бизнесмена, одетого с неброской элегантностью, и со всеми своими атрибутами – портфелем, очками и зарождающейся плешью.

– Уберите от меня это! – раздраженно потребовал он.

«Это» было дедушкой, который впивался ему в шею беззубыми деснами с бульдожьим упорством.

Ройс освободил одну руку от обязанности держать Дитворта и забрал дедушку под мышку. А Серафим продолжал висеть на ноге нашего пленника, запустив в нее когти на всю длину.

Демон, склонивший чашу весов в нашу пользу, тоже продолжал держать Дитворта за плечи, зацепив его когтями под лопатки. Я прочистил горло и сказал:

– По-моему, мы обязаны вам... – Я понятия не имел, что можно сказать в такой беспрецедентной ситуации.

Демон скорчил рожу, видимо дружескую, но на редкость страхолюдную.

– Разрешите представиться, – сказал он на моем родном языке. – Агент Федерального бюро расследований Уильям Кейн.

Очевидно, это меня доконало, и я хлопнулся в обморок.

Пришел я в себя, лежа на спине. Кто-то смазал мои раны целительным бальзамом, так что они не омертвели и ничуть не болели, но меня сковывала смертельная усталость. Рядом раздавались голоса. Я повернул голову и увидел всю нашу компанию. Уортингтон и дружественный демон, объявивший себя агентом ФБР, стояли перед Сатаной, крепко держа Дитворта слева и справа. Грозное адское воинство исчезло без следа.

– А, так это мой племянничек Небирос! – задумчиво произнес Сатана, прищелкнул языком и кивнул. – Небирос, ты скверный мальчишка, и я тобой горжусь. Но раз уж они тебя

изловили, боюсь, тебе придется помериться силами с их представителем. – Он взглянул на Аманду. – Кто вас будет представлять, дорогая моя?

– Думается, это моя работа, – подал голос дружественный демон.

– Нет, – возразила Аманда, отвела его в сторону и что-то настойчиво зашептала; в конце концов он пожал крыльями и уступил.

Аманда вернулась к остальным. Я кое-как поднялся на ноги и подошел к ним.

– Поединок до смертного исхода, – услышал я ее слова. – Ты готов, Небирос?

У меня чуть сердце не остановилось от страха за Аманду, и одновременно появилась тихая уверенность, что она преуспеет во всем, за что бы ни взялась. Джедсон посмотрел на меня и замотал головой. Не вмешивайся!

Однако у Небироса не хватало смелости. Все еще сохраняя облик Дитворта и выглядя до нелепости по-человечески, он воззвал к Самому:

– Не смею, дядюшка. Исход предопределен. Вступишь за меня.

– Не премину, племянничек. Правда, я немножко надеялся, что она тебя уничтожит. Ты мне еще наделаешь хлопот! – Он обратился к Аманде. – Ну, скажем... э-э... десять тысяч лет?

Аманда взглядом осведомилась о нашем мнении, к большой моей гордости включив и меня, и ответила:

– Да будет так!

Мне потом объяснили, что приговор был легким – эквивалентным примерно шести месяцам тюремного заключения в реальном мире. Но ведь он ни в чем не нарушил их обычаев, а просто потерпел поражение от белой магии.

Черт резко взмахнул рукой, раздался оглушительный грохот, последовала огненная вспышка, и мы увидели Дитворта – Небироса, распростертого на скале и скованного по рукам и ногам тяжелыми железными цепями. Он вновь обрел облик демона. Аманда и Уортингтон осмотрели цепи. Она припечатала перстнем каждую заклепку и кивнула Козлу. Мгновенно скала унеслась в неизмеримую даль.

– Вот, пожалуй, и все, – сказал Козел. – Полагаю, вы отправитесь восвояси. Кроме вот этого... – Он улыбнулся демону из ФБР. – Я кое-что для него придумал.

– Нет! – категорично заявила Аманда.

– Что-что, моя крошка? Ваши защитные чары на него не распространяются, а он оскорбил наши обычаи.

– Нет!

– К сожалению, я вынужден настаивать.

– Сатана Мекратриг, – медленно произнесла она, – ты хочешь помериться силами со мной?

– С вами, сударыня? – Он внимательно ее осмотрел, будто увидел в первый раз. – Ну, день выдался утомительный, не правда ли? Оставим эту тему. Ну так до следующего раза...

Он исчез.

Демон повернулся к Аманде.

– Спасибо, – сказал он просто. – Жаль, у меня нет шляпы, чтобы снять ее перед вами. – И спросил с тревогой: – А вам известна дорога отсюда?

– А вам нет?

– В том-то и беда. Разрешите, я объясню. Я прикомандирован к отделу по борьбе с монополиями. Мы занялись этим типом Дитвортом, или Небирсом, и я последовал за ним сюда в убеждении, что он просто черный маг и я смогу вернуться через его ворота. К тому моменту, когда я разобрался, что к чему, было уже поздно, и я оказался в ловушке, а потому мне пришлось смириться с мыслью, что так и буду коротать вечность в образе псевдодемона.

Меня его история захватила. Естественно, я знал, что агенты ФБР все либо юристы, либо чародеи, либо бухгалтеры-ревизоры, но до этой минуты мне доводилось встречать только реви-

зоров. Такое хладнокровие перед лицом невероятных опасностей произвело на меня глубокое впечатление и усилило мое уважение к агентам ФБР.

– Можете воспользоваться для возвращения нашими воротами, – сказала Аманда. – Держитесь поближе к нам. Так отправляемся? – спросила она всех нас.

Джек Боди, когда мы посыпались из камина, все еще бубнил заклинания по книге.

– Восемь с половиной минут, – возвестил он, взглянув на свои часы. – Отличная работа. Все в порядке?

– Да, – ответил Джексон ломающимся голосом, претерпевая преобразование. – Мы добились...

Но Боди перебил его.

– Билл Кейн! Старый мошенник! – закричал он. – Как ты затесался в эту компанию?

Демон-агент успел преобразиться в пути и из камина появился в своем природном облике – худощавого закаленного молодого человека, в скромном сером костюме и шляпе с загнутыми полями.

– Привет, Джек, – кивнул он. – Забегу к тебе завтра и все расскажу. Мне надо доложить по начальству. – И он исчез.

Эллен вышла из транса, и Джо заботливо наклонился над ней, проверяя, не пострадала ли она. Я оглянулся, но Аманды не увидел.

И тут же услышал, как она возится на кухне. Я кинулся туда.

Она обернулась ко мне с улыбкой. Ее чарующее лицо было безмятежным, дышало спокойной красотой.

– Аманда! – сказал я. – Аманда...

Наверное, я бессознательно намеревался поцеловать ее, сжать в объятиях. Но очень трудно решиться на такое, если предмет вашей страсти ничем не показывает готовности ее разделить, Аманда осталась неприступной. Нет, она смотрела на меня ласково, дружески, но нас разделял невидимый барьер ее сдержанности. И я просто бродил за ней по кухне и говорил о пустяках, пока она готовила какао и поджаривала хлеб для всех нас.

Когда мы вернулись к остальным, я сел и не притронулся к какао, а только глядел на нее, и сердце у меня сжималось от смутного разочарования, пока Джексон рассказывал Эллен с Джеком о нашем пребывании в Полумире. Вскоре он вызвался проводить Эллен домой, и Джек последовал за ними.

Когда Аманда вернулась, попрощавшись с ними у дверей, доктор Ройс уже спал, растянувшись на коврике у камина. На его могучей груди свернулся Серафим, и оба мелодично похрапывали.

И тут я понял, что ваюсь с ног от усталости. Аманда это заметила и сказала:

– Приляг на кушетку и вздремни, если хочешь.

Второго приглашения мне не потребовалось. Она подошла, укрыла меня шалью и нежно поцеловала. Засыпая, я слышал, как она поднялась к себе в спальню.

Разбудили меня солнечные лучи, бившие прямо в глаза. Серафим сидел на подоконнике и умывался. Доктор Уоррингтон уже ушел – но, очевидно, совсем недавно, потому что ворс на коврике еще не расправился. Дом казался вымершим. Но тут я услышал на кухне легкие шаги, вскочил и бросился туда.

Она стояла лицом к старинным часам с маятником на стене, но обернулась ко мне – сухонькая, сгорбленная, невообразимо старая. Жиденькие седые волосы были стянуты в аккуратный пучочек на затылке.

И тут мне стало ясно, почему накануне все ограничилось материнским поцелуем на сон грядущий. У нее хватило здравого смысла за нас обоих, и она не допустила, чтобы я свалил дурака.

Она поглядела на меня снизу вверх и сказала своим обычным мягким голосом:

– Видишь, Арчи, мои старенькие часы вчера остановились. – Она протянула руку и слегка коснулась качающегося маятника. – А сегодня утром они опять пошли.

Рассказывать, собственно, больше не о чем. После исчезновения Дитворта и рапорта Кейна «Магия, инкорпорейтед» развалилась буквально за одну ночь. А новые законы о лицензиях вышли из употребления еще до того, как были отменены.

Мы собираемся у миссис Дженнингс так часто, как она терпит. И я искренне радуюсь, что она не допустила ничего между мной и своим юным альтер эго. Ведь наши нынешние отношения для меня – незаменимая опора. Однако, родился я на шестьдесят лет раньше, у мистера Дженнингса объявился бы упорный соперник.

Я помог Эллен с Джо организовать их новое предприятие и порекомендовал в управляющие Джека Боди – меня больше тянуло привычное занятие. Я пристроил новое крыло к магазину и приобрел два грузовика – точно как предсказала миссис Дженнингс. Дела идут отлично.

Дорога Доблести

*Посвящается Джорджу Г. Сайзерсу и постоянным пассажирам
трамвая Терминус – Оулсвик – Форт-Мадж*

Британ (шокированный). Цезарь, это непристойно.

Теодот (возмущенный). Что?

*Цезарь (снова овладевая собой). Прости его, Теодот. Он варвар и
полагает, что обычаи его острова суть законы природы¹.*

Бернард Шоу. Цезарь и Клеопатра. Акт II

1

Мне известно такое местечко, где нет ни смога, ни проблем с парковкой, ни демографического взрыва, ни холодной войны, ни водородных бомб, ни телерекламы, ни совещаний на высшем уровне, ни помощи слаборазвитым странам, ни махинаций при уплате налогов, ни самого подходящего налогообложения. Климат там такой, каким обычно похваляются Калифорния и Флорида (хотя на самом деле климат в обоих штатах куда хуже рекламируемого), ландшафт великолепен, люди гостеприимны и доброжелательны к иностранцам, а женщины очаровательны и на удивление готовы угодать...

И я мог бы туда вернуться. Мог бы...

То был год национальных выборов с обычной агитационной болтовней (типа «все, что вы можете сделать, я сделаю куда лучше») на фоне «бип-бип» советских спутников в эфире. Мне уже стукнуло двадцать один, но я еще не решил, против какой партии следует голосовать.

Вместо этого я позвонил в призывную комиссию и попросил прислать мне повестку. Вообще-то, я против призыва в армию примерно потому же, почему раки возражают против кипятка: может, и станешь красивым, да по чужой воле. А страну свою я люблю, несмотря на школьную пропаганду взгляда, будто патриотизм – понятие устарелое. Один из моих прадедов пал под Геттисбергом, а отец протопал всю дорогу от водохранилища Инчхон, так что мне эти новые идейки не по нутру. Я выступал против них на школьных диспутах, пока не получил двойку на уроке обществоведения, после чего заткнулся и благополучно сдал экзамен. Но взглядов своих в угоду учителю, не отличающему Литтл-Раунд-Топ от Семинари-Ридж, я не изменил.

А вы-то сами из моего поколения? Если нет, то понимаете ли, почему у нас мозги набекрень? Или просто списываете нас со счета как малолетних преступников?

На эту тему я целое сочинение мог бы написать. Бог ты мой! Да возьмите хоть это – неужто можно ждать от мальчишки, из которого годами выбивают патриотизм, радости при виде повестки «сим уведомляем, что вам надлежит явиться туда-то для зачисления в Вооруженные силы Соединенных Штатов»?

А еще болтают про «потерянное поколение»! Я перечел всю эту волюнку, что появилась после Первой мировой, – Хемингуэя, Фицджеральда и прочих – и поразился, из-за чего они ныли. Ах-ах, в нелегальный алкоголь подмешивают технический спирт! Мир был у них в кармане, чего им не хватало?

Разумеется, впереди у них была Великая депрессия и Гитлер, так они же об этом не знали! А у нас были Хрущев и водородная бомба, о которых мы знали даже слишком много!

¹ Перев. М. Богословской, С. Боброва.

Нет, мы не были «потерянным поколением». Мы были хуже – мы были «благополучным поколением». Не битниками. Их было несколько сот на миллионы. Да, конечно, мы болтали на жаргоне битников, слушали их музыку, с пеной у рта спорили о результатах опроса «Плейбоя» насчет рейтинга джазовых музыкантов, будто это было бог знает какое важное дело. Мы читали Сэлинджера и Керуака, шокировали родителей своими словечками, иногда даже одевались, как битники. Но мы не думали, что барабаны бонго и бороды важнее банковского счета. Мы не были бунтарями. Мы были конформистами, такими, что дальше некуда. «Уверенность в завтрашнем дне» – вот был наш негласный пароль.

Почти все наши пароли были негласными, но мы следовали им так естественно, как новорожденный утенок плывет по воде. *С начальством не спорят. Бери, пока дают. Не пойман – не вор.* Высокие цели, истинные моральные ценности, и все они означали «уверенность в завтрашнем дне». «Стабильность» (наш вклад в американскую мечту) была основой уверенности в завтрашнем дне. Стабильные отношения гарантировали, что субботним вечером не придется скучать в одиночестве, и заодно устраняли конкуренцию.

Но амбиции у нас были. Да, сэр! Получить отсрочку от армии и окончить колледж. Жениться, заделать ей ребенка, и пусть твоя и ее семьи помогают вам, пока ты учишься и пользуешься отсрочкой. Устроиться на работу, с которой не заберут в армию, например в ракетную фирму. Еще лучше стать аспирантом (если твоим или ее родителям по карману вас кормить), завести второго ребенка, полностью оставить призывную комиссию в дураках, тем более что научная степень – прямая дорога к продвижению по службе, высокой зарплате и обеспеченной старости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.